

The illustration depicts a young man with a shaved head and a ponytail of light-colored hair, wearing a long white coat that billows in the wind. He is walking away from the viewer down a narrow, cobblestone street lined with tall, multi-story buildings. In the sky above, a large, white dragon with spread wings is flying. The scene is filled with a sense of movement and drama, with orange sparks and embers floating in the air at the bottom.

Валентина Осколкова

ДРАКОНЫ, ТВАРИ, ЛЮДИ

5: Эволюция

Драконы, твари, люди

Валентина Осколкова

**Драконы, твари, люди.
Часть 5: Эволюция**

«Автор»

2026

Осколкова В.

Драконы, твари, люди. Часть 5: Эволюция / В. Осколкова —
«Автор», 2026 — (Драконы, твари, люди)

Драконы — не порождение человеческого разума, они потомки тех существ, что зовутся тварями бездны. Вот новая реальность Лавра и драконицы Дары. Свыкнуться с этим непросто — как и со своим новым местом под началом полковника Стрельницкого... тем более что не все спешат верить бывшему повстанцу. Но когда приходит весточка от призрака прошлого, Лавр готов поставить на кон не только обретенное доверие, но и даже собственную жизнь. Вот только во что на этом пути эволюционирует их с Дарой связь, их взгляды, их вера друг в друга — и в тех, кто оказался ближе, чем семья?... И что будет с этой верой, когда всё рухнет?

© Осколкова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Compliments and compromises	13
Глава 2. Свои и чужие	21
Глава 3. Чужие и свои	30
Интермедия	41
Глава 4. Спорный мотив	43
Глава 5. Упустить момент	55
Интермедия	65
Глава 6. Сигнал из прошлого	69

Валентина Осколкова

Драконы, твари, люди. Часть 5: Эволюция

Пролог

Если не соваться наружу, смена дня и ночи в толще каменных стен «Дома-один» становилась заметна только по режиму освещения: в одиннадцать вечера в переходах гас свет, оставляя лишь тусклые «ночные» лампы.

Сама база продолжала жить: гремела посуда в столовой, у кого-то трезвонил внутренний телефон; не спала дежурная смена, не спали те, кто готовился уйти в патруль или, наоборот, только из него вернулся...

Не спал Дима.

У него не было дежурств, ему даже не надо было готовиться к очередной миссии — их с Дарой убрали из расписания, раскидав задачи по остальным драконам Третьего крыла... Отдыхай, отсыпайся, плюй в потолок.

Золотое правило Драконьего корпуса: не трогайте пилота, у дракона которого началась линька. Сложно оставаться спокойным и сосредоточенным, когда у тебя чешется хвост, которого у тебя в принципе нет — а значит, ты даже не можешь его почесать...

Или гребень.

Или крыло.

...крыло даже хуже, потому что по краю нежной мембраны зудело обычно нестерпимо.

По счастью, у взрослых драконов линька наступала раз в пару лет по достаточно стабильному циклу — в ДРА он наверняка контролировался химией, которой там накачивали драконов, а в Драконьем корпусе определялся, так сказать, естественным путём.

Но вот у Дары линька не стабилизировалась ещё несколько лет после того, как её вытащили из питомника, и могла начаться буквально с любого чиха... или не начаться вовсе, и Дара так и ходила, облезая кусками, по несколько месяцев, вечно голодная, сонная и капризная.

Сейчас, конечно, стало полегче. Вон, даже в расписании дежурств учесть получилось...

Вот только от зуда деваться было всё равно некуда, и Дима, вместо того, чтоб валяться на койке, бесцельно слонялся по территории Драконьего корпуса.

Дара-то спала, подёргивая во сне шкурой, — такая смешная сейчас, в ряби новых, только проклюнувшихся чешуек, ярких, как весенняя травка там, в предгорьях.

...уязвимая.

— Кляр-рк? — раздалось впереди вопросительное.

Дима вздрогнул, сбившись с шага, и сообразил, что ноги сами принесли его в «детскую».

Здесь царил уютный, домашний запах — драконий, но словно бы смягчённый. Щекотный.

Подсветка по краю зала была неярко-жёлтой — и той же желтизной отливали глаза мелкого птенца, усевшегося перед сетчатой оградой.

Почти рефлекторно Дима тихо, успокаивающе присвистнул на две ноты, подражая Даре, и остановился, оглядываясь.

— Р-р-рук, — раздалось откуда-то слева, и к первому птенцу, забавно косолапя по мягкому песку, присоединился второй, такой же глазастый и лобастый, только чуть темнее шкурой.

— Так, не понял, у нас тут случился переезд? А Мелкого вы куда выжили?... Хотя какой он теперь Мелкий, действительно. Вполне себе старший брат...

Ещё недавно малышня обитала рядом с инкубатором, под присмотром Дока, а здесь, в большом вольере, жил двухлетний Малик. Теперь же, очевидно, малышей подселили к нему.

Значит, Док счёл их состояние стабильным — хотя вылупились из всей «кладки» три месяца назад только эти двое, но... Дима отступил на шаг, скептически разглядывая первого, розовато-бурого птенца, который радостно замотал башкой, растопырив слабенькие, полупрозрачные крылья.

...да, на таких не скоро полетишь — но с декабря драконята, пожалуй, действительно подросли и окрепли, точно пара щенков.

— Так где ваш братец, а?

Он не ждал от птенцов ответа, конечно.

...просто Дара спала, и желание с кем-то поговорить было почти рефлекторным.

По ногам тянуло холодом — и, приглядевшись, Дима сообразил, что ход, ведущий из «детской» наружу, приоткрыт. От вольера его отделяла невысокая ограда — малышей удержит, а вот бодрого, недавно вставшего на крыло двухлетку точно нет.

Оставалось надеяться, что все в курсе. Зира — так точно.

Из-за недавней миссии (ничего сложного, перехватить партию якобы «утилизированного» драконьего комбикорма, которым их снабжали равнодушные работники Ошковского завода, — но на всю эту возню ушла неделя) и начавшейся аккурат после неё линьки Дима что-то совсем выпал из жизни Корпуса.

Можно было бы, конечно, спросить напрямую Мирру, но...

Но. Одно большое но.

Ладно, он сейчас дойдёт до дежурных, а потом, при случае, расспросит Яна, Гроза-то наверняка в курсе. Или даже Римана.

...или вообще Дока.

Он пошёл вдоль ограды, и птенцы потрусили следом, чисто по-щенячьи повизгивая — требовательно и вопросительно. Дима остановился — они тут же повернулись к нему, один даже встал на задние лапы, опёршись передними о сетку.

Да, они его определённо узнали. И всем своим видом вопрошали, почему нарушена традиция.

— Ну прости, мелочь. — Дима растерянно взъерошил волосы. — Сегодня без подарков. Я же вам на той неделе утку-пищалку притащил, забыли?

Как-то так исторически сложилось, что они с Дарой регулярно притаскивали со своих миссий Малику то шишки, то мячик, то упаковку сосисок... Когда вылупились эти двое, импровизированные гостинцы стали перепадать и им.

Ведь весь известный птенцам мир ограничивался вольером. Да, летом их начнут выпускать наружу, на площадку перед драконарием, как это было с Маликом...

Но только когда они встанут на крыло, они узнают, как огромен мир на самом деле.

...Драконята упрямо проводили его до дальнего края вольера и ещё какое-то время, жалобно и недовольно порывая, неотрывно глядели вслед, так что зачесалась не только неуловимая точка на спине между несуществующих крыльев — но и совесть.

Впрочем, не поддаваться на эмоциональный шантаж Дима научился с Дарой давным-давно... хотел верить, что научился. Поэтому взял себя в руки и ушёл, даже не обернувшись.

...с ощущением, что он распоследняя сволочь и бесчувственный чурбан.

Он собирался дойти до дежурных, «наябедничать» на Малика и уже спокойно уйти спать... но за следующим поворотом послышались шаги — и гулко отдающиеся в пустом каменном коридоре голоса.

Белый?..

Сталкиваться с главой Коалиции и отвечать на идиотский вопрос, чего это ему не спится, в Димины планы точно не входило, и он беззвучно попятился.

— Нам нужно что-то им предъявить. Что-то, что их не просто впечатлит, а докажет, что мы не горстка загнанных в горы террористов! — горячился Белый. — Что наши драконы — это новая сила на континенте, не связанная с андарскими властями. Только так! И чего ты упёрся? Покажем им твою установку, предъявим результат на, кхм, разных стадиях... Ну, что скажешь?

Под конец голос его зазвучал, словно бы заискиваясь.

— Что скажу?..

А вот это Док со своим фирменным тоном «сделайте милость, постучитесь головой о стену сами».

— Так я вам и так уже всё сказал, господин председатель. Но если хотите, могу повторить, мне не жалко.

— В каком смысле?

— В наипрямейшем. Это нецелесообразно — раз. Результат пока ещё максимально сырой — два. Ну и три...

— Какой сырой, этот ваш... Малик вон какой уже вымахал! Мне же доложили, он уже вовсю летает по ночам с Зирой.

Повисла выразительная пауза.

Дима отошёл уже достаточно, чтоб развернуться и свалить, не углубляясь в хитросплетения чужих политических игр, но упоминание Малика заставило замереть и его.

...значит, он с Зирой, одной проблемой меньше.

— Ну хорошо, — с демонстративным снисхождением вздохнул наконец Белый, — а что ещё ты можешь показать? Давай, я открыт для предложений!..

Док молчал. Дима вжался в стену, вслушиваясь в приближающиеся к повороту шаги.

— Почему я вообще должен тебя уговаривать предъявить результат, интересно? Это ведь ты должен мне отчитываться — ты хоть знаешь, во сколько обходишься Коалиции со всеми своими расходниками?

— Ну как вам сказать... — протянул якобы задумчивую паузу Док. — В нормально работающие в зоне аномалии приборы? В незасекаемые Андаром источники энергии? В усиление некоторых эффектов аномального фона вокруг базы, благодаря которым нас здесь не могут найти даже авиаразведкой?.. Сущие мелочи, действительно.

Каждое последующее предположение звучало всё более саркастично.

— ...Ах, да. И в возможность в перспективе обходиться своими драконами. В *отдалённой* перспективе, если вы не хотите скатиться к методам ДРА.

— Но показать нашим потенциальным союзникам ты ничего из этого не хочешь... — Белый громко, выразительно вздохнул, останавливаясь в считанных шагах от поворота, за которым застыл Дима. — Значит, так. Я очень хотел всё сделать по-хорошему, потому что уважаю твои труды, но, прости, либо ты мне завтра кладёшь на стол список того, что мы сможем показать на переговорах, либо о необходимых материалах для твоего нового инкубатора можешь забыть. Я, конечно, вынесу этот вопрос на голосование, но ты же сам всё понимаешь.

Даже Дима рефлекторно вытянулся от такого тона по струнке.

— Понимаю, господин председатель.

— Что ж, я рад, что мы достигли взаимопонимания, Док.

— А я-то как рад, господин председатель. Я б попрыгал от радости, да что-то колено пошаливает последнее время. Четвёртый десяток пошёл, старею, что поделать...

Это уже балансировало на тонкой грани с откровенным хамством, но Белый лишь благодушно хмыкнул — и, развернувшись, ушёл.

А Док, резко ускорив шаг, завернул за угол и смерил крайне выразительным взглядом неловко пятящегося Диму.

— Греем уши?.. — негромко, но отчётливо хмыкнул алкемик, выдержав короткую паузу.
— Ну, раз не спится, пошли, ты мне понадобится. Дара?..

— Спит... Линька у неё. — Дима повёл плечами, пытаясь избавиться от зуда между лопаток. — По расписанию.

Новость Дока, на удивление, не особо заинтересовала.

— Хорошо. Ты мимо вольера шёл? Малик тут?

— Нет, только малыши.

— Ага. Значит, с Зирой летает. Хотя в чём-то мне сегодня везёт.

Док говорил отрывисто, быстро — и шагал так же, Дима за ним еле поспевал... Но на тон не обижался — что с Дока взять.

— Чего Белый-то хотел? — нагнав, только и спросил он.

— Белый жаждет цирк.

— А?

— ...Сегодня на арене — дрессированный алкемик, единственный и неповторимый Док, спешите видеть, несите деньги.

...в переводе на андарский: «Я сегодня ядовитая берутская кобра и по делу ничего не скажу, сам догадывайся». Ну, Дима привычный.

— М-м... ладно, переговоры-то хоть с кем?

— Какая разница? — дёрганно пожал плечами Док, и это было единственным проявлением его истинных эмоций. — Князя Гольштейна, влиятельные вирсавийские дома... да хоть пираты карфиканского побережья, мне реально без разницы.

Завернул к дальнему входу в свою лабораторию, отпер ворота, придержал створку, давая зайти Диме.

...Здесь резко — но так привычно — пахло химией и алкемикой, ихором и табаком. Лампы горели только в отдельных рабочих зонах, но ярко, света хватало.

— Белый хотел Малика кому-то показать? — заново прокрутив подслушанный разговор в памяти, предположил Дима.

— Инкубатор.

Дима бросил взгляд на цилиндрическую машину бокса в бесконечных витках кабелей.

— Он же пуст?

Док остановился. Обернулся, смерив Диму странным взглядом.

— Вот пусть таким и остаётся.

Сдвинул с дороги ногой какой-то ящик, подхватил пачку сигарет и ушёл за стеллажи вглубь лаборатории.

Дима возвёл глаза к тёмному потолку и беззвучно вздохнул. Док есть Док, понять и простить. В конце концов, помогать ему — Димин свободный выбор.

...а мог бы ведь и спать лечь.

Док сдавленно ругнулся где-то вдалеке, и Дима, хмыкнув сам над собой, поспешил ему на помощь.

Не бросишь же человека в таком состоянии?

...Док в неловкой растерянности стоял над залитым кофе лабораторным журналом.

— И какая бестолочь кружку сюда ставит...

Дима остановился рядом, с удивлением обнаружив, что в плечах Дока уже перерос, да и по росту разница — полголовы от силы.

...а давно ли смотрел, задрав голову?

«Семь лет назад», — услужливо подсказала память. Охренеть время летит, конечно.

— Ну... ты? — с долей юмора хмыкнул он.

Док обернулся, ненатурально изображая раздражение.

— Иногда стоит промолчать, юморист хренов... Ладно, будем считать, это знак. Там на стеллаже у инкубатора пепельница, принеси?

...Когда Дима вернулся, Док мрачно дымил, глядя в потолок. Испорченный журнал, проложенный салфетками в бурых пятнах, лежал под кассетой образцов ихова — слабо опалесцирующих голубым пробирок.

У ног стоял похожий на бочонок футляр, Доку где-то по колено.

Дима прислонился к стене рядом, протянув керамическую пепельницу с отбитым краем.

— Новый синтетик? — нейтрально спросил он, кивая на пробирки, не столько из любопытства, сколько потому, что лекции по алкемике всегда приводили Дока в умиротворённое состояние.

Док невнятно угукнул, стряхивая в пепельницу столбик пепла с сигареты.

— Ты добился от него, чего хотел? Этого... стабильного энергетического отклика?

— Ну да, — слегка рассеянно кивнул Док, — уже, пожалуй, можно так говорить.

— ...Но Белому не покажешь?

Док поморщился.

— Наивный ты всё-таки человек, Лавр. Такую методику любые власти оторвут, конечно, с руками... но и с головой тоже. В первую очередь с головой.

— Для переговоров это же хорошо?

— А вот для головы не очень. Но увы... — Док невесело усмехнулся, — всё идёт к тому, что им придётся встать в очередь за Зирой.

Прозвучало это далеко не шуткой, и Дима напрягся. Что-то между Доком и Зирой было не то.

И между Доком и Белым.

...сегодня ночью вообще что-то происходило — или должно было произойти — *не то*.

— Кстати, ты часы носишь? — Док сменила тему раньше, чем Дима успел что-то спросить.

Вместо ответа Дима молча засучил рукав флиски, демонстрируя массивные «штурманские» часы. Док доработал несколько таких, ещё когда «Друзья Драконов» жили на заброшенном аэродроме, — одни отдал Рубину, вторые Диме, третьи оставил себе.

«Мало ли» — невнятно пояснил он, показав, как работает ихорный чип.

...Мирра, кстати, как и Эд, эти часы не носила.

А вот Док... Дима как можно незаметнее скосил глаза, и Док, поймав его взгляд, с усмешкой сдвинул рукав своего неизменного халата. Часы были на месте.

— Хорошо. — Док одёрнул рукав и старательно раздавил окурочек в пепельнице. Пальцы у него подрагивали. — И ещё, Дим. Передай Мирре...

Дима протестующе замычал: соваться к Мирре с подобными поручениями он не хотел. Да, спустя год их идиотское расставание выглядело именно что *идиотским*, но делать вид, будто всё в порядке, получалось только на людях.

Не при встрече один на один.

Док непонятно хмыкнул:

— Ладно, обойдётся красочной Зириной версией. Сколько времени?

— Час где-то. — Дима ещё раз бросил взгляд на часы и уточнил: — Без семи. А что?

— Зира скоро вернётся... Тебе пора.

Взаимосвязь Дима не уловил и нахмурился:

— Ты же хотел, чтоб я тебе с чем-то там помог?

— Ты уже, — совершенно абсурдно заверил Док. — А теперь вали спать... и следи, чтоб Дара не совалась в глубь аномальных зон. И птенцы... второе поколение, я имею в виду, Малик-то ладно, он устойчивее.

— Они ещё не летают.

— Но однажды ведь полетят.

— Но...

Дима осёкся.

...почему слова Дока вкупе с его шутками про голову и Зиру звучали, как грёбаное *завешание*?

— Что ты задумал? — нахмурился Дима.

— Выкурить ещё сигарету и пойти спать, — заверил Док так правдоподобно, что поверить ему не удалось прям совсем. — Как видишь, сигарету я уже доста... бездна!

Потянувшись за пачкой сигарет, он ногой задел футляр, и тот покачнулся.

...Драконий пилот по скорости реакции превосходит обычного человека — это всего лишь побочка синхронизации с разумом дракона: мозг приучается обрабатывать в два раза больше информации за всё те же доли секунды.

Док ещё не успел сдвинуть ногу, как Дима, накрепко усвоивший ценность всех Доковых приборов, уже присел, ловя футляр и осторожно его отодвигая в сторону.

Задел пальцем какую-то защёлку — и люк неожиданно открылся.

Там, в глубине за стеклом, пульсировало в переплетении искусственных ихорных жил...

Нет, не драконье яйцо. Ещё не оно.

Крохотный тёмно-красный комок плоти в пузыре амниотической (так ведь Док её называл?) оболочки посреди мутной, густой, как гель, жидкости.

Зародыш.

Едва дыша, Дима осторожно закрыл крышку, убедился, что защёлка точно встала на место, и поднялся на ноги.

Колени подгибались, пульс стучал где-то в висках.

«Ди-им?» — сквозь сон забеспокоилась Дара.

«Спи, маленькая, спи».

Ничего особенного же, если так подумать. Просто драконий зародыш.

...которого он впервые видит живьём.

В горле пересохло, и Дима сглотнул — раз, другой, прежде чем смог выдавить из себя невразумительное:

— Это... что?

...он же сам видит, что спрашивает-то, как дурак?

— Ещё один шаг к совершенству.

Щёлкнула зажигалка, запах табака опять стал гуще.

Дима встряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и огляделся — но других таких... ёмкостей (эмбриональных камер!) не было.

И инкубатор, мимо которого он проходил, был пуст. Док сам это подтвердил — и сказал, что так и останется.

...но он всегда готовил минимум шесть образцов, и это уже на этапе переноса яиц в инкубатор, а до того и подавно логичнее делать с запасом. Сколько Док ни бился, его технологии оставались несовершенными: в партии Малика вылупилось трое (а выжил он один), потом был полностью неудачный заход, с третьей попытки получились двое малышей, но... чтоб был всего один образец?

«Ещё один шаг к совершенству».

Что есть совершенство в глазах Дока?

Идеальная, *естественная* выживаемость? Но это невозможно в принципе. Драконы созданы искусственно — поэтому с их выращиванием столько сложностей.

Это чудеса алкемики, а не природы.

...хотя, глядя на Дару, об этом легко забыть.

— Только один?

— Шаг? — усмехнулся Док, запрокинув голову и медленно выдыхая дым в потолок. Где-то в углу запоздало загудела вентиляция.

Лицо Дока в таком ракурсе казалось осунувшимся до болезненной остроты: нос, скулы, подбородок с прорезавшейся белёсой щетиной; волосы, убранные в короткий хвост, явно давно просили шампуня, и эта несвойственная Доку в обычном состоянии неопрятность царапнула тревогой.

...нет, увлѣвшись новым проектом, он мог сутками не вспоминать о еде и прочих человеческих слабостях.

Но сейчас-то чего?..

Пауза затягивалась, и Дима, спохватившись, пояснил:

— Зародыш. А если он не приживѣтся в инкубаторе?

Док бросил долгий взгляд в сторону махины инкубаторного бокса.

— Я его туда переносить не планирую. Этот образец... должен развиваться в других условиях. — И, скорчив «лекторскую» рожу, напомнил: — Лабильность эпигенетического эмбрионального развития в конечном итоге должна обеспечить...

— ...устойчивый «природный» онтогенез, я помню. Это ведь поэтому малыши на Малика так не похожи?

— Тебе пора, умник, — вместо ответа напомнил Док, бросив взгляд на свои часы. — И, действительно, не распространяйся Мирре о том, что сегодня видел... и слышал.

— Про Белого тоже?

— Про всё. Я ей несколько иначе... докладывал, — понизил голос Док — и подмигнул.

Глаза у него при этом оставались смертельно серьёзными.

— Подговариваешь меня на должностное преступление? — неодобрительно фыркнул Дима, скрывая беспокойство.

— Дай мне фору, Лавр, — с неожиданной усталостью попросил Док. — Просто дай мне фору. Сам знаешь, я терпеть не могу, когда у меня над душой торчат.

Внешние ворота, ведущие в лабораторию, грохнули, словно кто-то толкнул с той стороны створку. С размаху.

...ногой.

— Всѣ, вали, — ворчливо поторопил Док, вслушиваясь в затихающий грохот. — Я становлюсь сентиментальным, это не к добру.

Дима недовольно повѣл плечами, но...

Он всё-таки привык подчиняться Доку — и не лезть под руку, когда чувствовал, что реально мешает.

— Сегодня кто дежурит? — нагнал его вопрос в спину.

Дима притормозил, вспоминая расписание.

— Берк?.. Да, точно Берк с Тайфуном. И Торн с этим, Стрелком своим.

Первая напарница Торна — Лиза, Янова жена, — погибла, вытаскивая Эда, когда они вместо короткой переговорной миссии на севере Андара попали в засаду ДРА, и воспоминание об этом по-прежнему отдавалось в сердце тяжестью...

Это была одна из причин, почему с Миррой в качестве прикрытия и эвакуации отправляли их с Дарой — мелких и манѣвренных. В таких миссиях всё решают доли секунды, а не огневая мощь.

...раньше отправляли. За этот год Мирра не вызвала его для сопровождения ни разу.

— Берк. Отлично, — вернул в реальность голос Дока. — ...Не стой столбом, умник, вали спать. Дракону в линьке нельзя нервничать, и твоя бессонница Даре не поможет.

Аргумент был весомым.

...Если бы не линька, не раз после этого думал Дима, проклиная свою нерешительность, ненаблюдательность и попросту тупость, если бы не этот дурацкий недосып с зудом, привычка

бездумно следовать указаниям Дока и тот idiotский финальный аргумент, хрена с два он бы ушёл.

Хотя что бы он сделал против Зиры?

И всё же...

А нужно ли было что-то делать — или Док на Зиру и рассчитывал?

На *красочную Зирину версию*.

Дима ведь так и не сказал никому, что был у Дока той ночью. Даже Мирре.

...даже Даре.

Глава 1. Compliments and compromises

Особняк на Рошинской набережной, обычно тёмный и пустынный, этим вечером сиял — огнями люстр, позолотой, учтивыми улыбками вышколенного персонала, встречающими гостей ещё на пороге.

«Добро пожаловать, добро пожаловать! Позвольте ваши пригласительные?... Благодарю!»

«Проходите, пожалуйста, гардероб по правую руку по ступенькам вниз!»

«Позвольте вашу верхнюю одежду?»

«Сбор гостей в фойе первого этажа, позвольте вас провожу...»

«Не желаете фото на память?..»

На последнее предложение полковник Сергей Стрельницкий собирался ответить категоричным отказом — но передумал.

Собственно, а почему нет?

Дима больше не его «маленький секрет», и прятать драконьего пилота ни от кого уже не нужно — даже наоборот.

— Минуту... Лавров, иди сюда. Давай-давай, не корчи зверскую рожу.

Пойманный за локоть Дима неохотно шагнул назад.

— Зачем?

Сергей пожал плечами (а то не очевидно!).

— Родителям скинешь. Когда они тебя ещё таким красивым увидят?

От неожиданного аргумента Дима аж споткнулся.

— А вам-то что? — чуть слышно буркнул он.

Стрельницкий усмехнулся, но отвечать не стал.

Да, всё, что якорило этого дурного пилота здесь, в «мирной», далёкой от всякой повстанческой коды, реальности, играло ему на руку. Поэтому Димины отношения с родителями он старательно, по шажочку восстанавливал...

В конце концов, там-то хоть было, что восстанавливать.

— Вставай рядом. — Он окинул критическим взглядом Лаврова, одёрнул ему пиджак, чувствуя себя почти что офицером-воспитателем из кадетки. — И не сутулься, ради Неба.

Парень на него даже не глянул, с некоторой растерянностью рассматривая что-то впереди.

Сергей взглянул в ту же сторону — на огромное, до потолка, зеркало у поворота лестницы. На их отражение.

...Да, там было на что поглядеть, хотя себя-то «при параде» Стрельницкий видел не раз: серый мундир с золотыми «веточками» на чёрном вороте и прочими положенными причинами, красные погоны полковника СГБ, орденская планка, хронический недосып на лице, всё как всегда. Картину разве что дополняла (портила) старинная трость с посеребрённым набалдашником... А вот Дима — с аккуратной стрижкой полубоксом, в застёгнутом под горло светло-сером (тон в тон с мундиром Стрельницкого) пиджаке с воротником-стойкой, — о да, Дима являл собой зрелище непривычное.

Но глазу определённо приятное.

— Последний штрих, — достав ювелирную коробочку из кармана, негромко объявил Сергей, даже не думая как-то маскировать предвкушение в голосе. Открыл её и приколот Диме чуть ниже ворота небольшой металлический значок.

Ромбовидный щит с мечами и лентами — и орлиной головой на щите.

Снова оглядел обоих в зеркале...

— Да. Вот теперь порядок.

Дима опустил взгляд, разглядывая эмблему. Усмехнулся краем рта — но ничего не сказал.

— Прошу прощения, вас запечатлеть втроём? — безукоризненно нейтральным тоном предложил ожидавший их у праздничного баннера фотограф, переводя взгляд с одного на другого — а следом на державшуюся позади Анку.

В брючном костюме ровно того же светло-серого цвета и с алым (в тон погонам Стрельницкого) шейным платком. С тёмно-красными серьгами-гроздьями, выглядывающими из-под идеального среза белоснежного каре, и того же цвета помадой на тонких губах. С отменно скучающим лицом.

И точно таким же, как у Димы, значком у ворота.

— Без меня, — резко отозвалась она, демонстративно отступая в сторону.

— Дама не любит фотографироваться, — любезно пояснил Сергей, передавая ей трость.

Раненая нога заживала медленно и неохотно, так что даже три недели спустя без трости на длительное мероприятие он сунуться не рискнул... Но и увековечивать её, хоть и тщательно подобранную из дедовой коллекции, на фотоснимках не собирался.

— Кстати, а как родителям скидывать-то? — хмыкнул Дима, дождавшись, пока фотограф возьмёт у Сергея визитку, чтоб прислать фото, и отчалит к следующим гостям. — Из окна второго этажа самолётиком — или есть более человеческие способы?

— С телефона, Дим, с телефона. У меня лежит для тебя, отдам завтра.

— О, а я-то думал, для меня технологии выше микроволновки под запретом.

Сквозь сарказм проскользнула в голосе знакомая уже Сергею обида.

Как будто Сергей и сам не в курсе, что порой перегибает палку (или просто не даёт Диме лишних соблазнов... за исключением той откровенно провокационной возможности унести их обоих прямиком на горную базу, чьё название Дима так кстати тогда сболтнул: «Дом-один»).

— Так и было. Но я подумал, возможность общаться с родными всё-таки того стоит.

Разумеется, свободный доступ в сеть на той «трубке» был жёстко отрезан (всё та же история с лишними соблазнами, да). Но всё же это был телефон.

Это был... компромисс.

— А теперь пойдём наслаждаться светской жизнью. Капитан Вронская! Ну же, не отбивайтесь от коллектива.

Анка вернула ему трость, с ядовитой ухмылочкой взяла под руку, и втроём они поднялись обратно в фойе и углубились в толпу гостей.

Было многолюдно, шумно и, несмотря на гоняемую кондиционерами прохладу, душно-вато. Череп стянуло предчувствием головной боли.

Что ж, работа есть работа.

Не то чтобы Сергей ощущал себя в этом людском море прирождённой рыбой — скорее уж залётной чайкой. Он нырял сюда за информацией и полезными знакомствами... Ну и, конечно, чтобы оказать нужное впечатление на нужных людей.

Сегодня — не только собой.

Общество тем временем собралось весьма пёстрое — от политиков и дипломатов до рядовых пилотов ДРА. Что, впрочем, неудивительно для такого вечера.

Министр Шатский ежегодно устраивал приём в честь дня рождения своего прадеда, Ионы Шатского — одного из основателей МАГА, а задолго до того — главы Комиссии по аномальным явлениям при Военном министерстве Андарской Империи... и Особого департамента Комитета по государственной обороне новенькой Федеративной Республики Андарской. И Особого комитета при Министерстве обороны Андарской Федерации — тоже.

Государственный строй, названия, структуры менялись — Иона Шатский оставался.

Что ж, он был достоин того, чтобы его ежегодно чествовали и полтора века спустя.

...Стрельницкий шёл, кивал знакомым, обменивался ничего не значащими приветствиями, игнорировал приглашающие к беседе взгляды и старался не припадать на больную ногу.

И вполголоса пояснял Диме.

— Видишь даму в тёмно-фиолетовом? Нет, справа, у окна. Она возглавляет, так сказать, иностранный отдел ДРА.

Дима притормозил, с куда большим интересом разглядывая стол с крохотными канапе и таралетками, чем какую-то там даму.

— Ну а мне-то что?

— Действительно, абсолютно ничего. Если вдруг не соберёшься на драконе за границу слетать... — Стрельницкий повлёк его дальше. — А рядом с ней стоял мужчина в синем костюме, сейчас отошёл в сторону, заметил? Это, так сказать, наш штатный агент Гизли, вирсавийских спецслужб. То есть, так-то он, конечно, советник в их посольстве, но его основной род деятельности для нас не секрет уже лет десять. Хотя виду, конечно, никто не подаёт — политика же...

— Ясно, — без энтузиазма отозвался Дима, уже открыто тормозя у следующего стола. — Поесть-то можно? Что-то никто не жуёт.

— Дай всем насытиться первым блюдом, — усмехнулся Стрельницкий. — Сплетнями.

— О нас, что ли?

— О чём угодно. О ценах, о нарядах, о политике... О том, собирается ли хозяин вечера на пенсию, как ходят слухи, и если да, то кому именно передаст дела. Да даже о том, что младший коллега нашего вирсавийского «советника» сегодня появился с девушкой... Не вижу их пока, кстати. Но в финальном списке гостей значились.

Не то чтобы девушка какого-то там третьего секретаря вирсавийского посольства вообще была сенсацией, просто традиционно дипломаты если уж и привозили с собой — то уже официальных жён, а не девушек.

— Он тоже из Гизли?

— О, нет, он Одейра, это один из влиятельных вирсавийских домов... Девушка его, кстати, тоже, так что они друг другу, видимо, какие-нибудь четвероюродные кузены. Хотя фамилии, что характерно, разные — и у обоих это не «Одейра». Но, опять же, для знающих это давно уже не секрет.

Дима невнятно угукнул, стараясь по возможности аккуратно подцепить с подноса мясной рулетик.

Сергей вздохнул и, отойдя к другому краю стола, взял бокал игристого. Подумал, прислонил трость к столу, и взял второй — Диме.

Сбоку вдруг раздалось:

— Выгуливаешь своего ручного кодовца, Сергей Саныч?

— Тыфу ты, бездна, чуть не разлил. Чего ты так подкрадываешься к добрым людям, Сергей Сергеич?

Старший товарищ довольно хохотнул.

Он был сегодня ожидаемо не при мундире — в тёмном костюме-тройке (в кои-то веки по фигуре, а не на пару размеров меньше... точнее, меньше чем следует надевать поверх скрытого бронежилета).

И — со всё тем же значком СГБ на лацкане пиджака.

Как маячок «свой-чужой» на этом празднике жизни.

— Да где ж ты тут добрых людей нашёл, Саныч? Вон разве что офицерики-драконники ни в чём не виноваты, да и те попросту хорошо замаскированные психи...

— Я, — с чувством объявил Сергей, еле сдерживая улыбку. — Я здесь добрый человек.

— Не завидую я тем, кого ты решишь добром осчастливить, ой, не завидую, Саныч... Это, если что, комплимент был.

Убедившись, что Дима занят закусками (в данный момент он шпажкой выколупывал из брускетты оливку), а Анка, уже раздобывшая где-то розового вина, стоит неподалёку, Сергей протянул товарищу свой второй бокал и прислонился бедром к столу, разгружая ногу.

— Ты-то, ещё один добрый человек в этом зале, при исполнении сегодня или как? Это же вроде не по твоей части?

— Пока у меня тут мальчики бегают, так что «или как».

— А, то-то рожи у половины официантов и гардеробщиков такие характерные. И стрижка уставная. Кто-то прям даже знакомый мелькнул, не у тебя ли видел?

— Большое собрание, Саныч, — большие риски, сам знаешь, так что работаем всем Управлением, удивительно, что тебя не стали дёргать... Ну а вдруг кода какая-нибудь дракона нам на голову уронит?

В голове немедленно пронеслось воспоминание, как падала на усадьбу израненная Зира. Стало зябко.

— Что ж, если уронит именно дракона, разгребать будем вместе.

— Хотя ты меня никогда не бросаешь... ну, кроме того случая в Южной цитадели, когда ты убежал ловить своего беглеца.

— Ну, тогда я тебя просто избавил от лишних спецэффектов, Сергеич. Из большой о тебе заботы.

— Заботливый ты мой полковник... Ну, за заботу тогда. И сотрудничество.

— За сотрудничество, да... Пока теоретическое. Всё же смею надеяться, мы обойдёмся сегодня без падающих на голову драконов. После гор я слегка нервный по этой части.

— Ха, я по своей части и так нервный круглый год.

Они чокнулись, глотнули, помолчали.

Пузырьки игристого кололи язык, оставляя кисловатый привкус. Не лучшее вино на памяти Стрельницкого... но для неспешной беседы пойдёт.

— Нервы надо лечить, — объявил вдруг Сергеич. — И не этим лимонадом.

Сам себе решительно кивнул и жестом, который невозможно было трактовать превратно, полез во внутренний карман своего пиджака.

Стрельницкий ухватил его локоть.

— погоди, Сергеич. Потом «полечимся», мне ещё надо своего пилота...

— По залу выгулять? — усмехнулся Сергеич, послушно убирая плоскую фляжечку обратно.

— Представить кому надо. Поговорить о том, о сём... Сто лет светскую жизнь не вёл, а тут вдруг понадобилось.

— Вон у тебя твоя Вронская стоит, пусть займётся. До танцев ей с тобой торчать не обязательно, а танцы будут сильно позже, когда присутствующие подсократят запасы этой газировки...

— Капитан Вронская сегодня по делу тут, сам знаешь. И она не танцует.

— По делу... Не доверяешь ты нашей аналитической службе, Саныч, даже обидно как-то за родную контору, что ли.

— Да? — не повёлся Стрельницкий. — А что, разве у тебя самого...

— Ну, мне-то по долгу службы положено никому не доверять. Даже тебе. И твоей бело-волосой. И твоему пилоту. И министру Шатскому, который так нас пока и не почтил присутствием. И вон той гизлятине, что украдкой на нас пялится сейчас. И...

— Я понял уже, понял, — с коротким смешком оборвал Сергей. — Да уж, мне на твоём фоне повезло, я хотя бы своей «беловолосой» доверяю. И пилоту... Насчёт министра Шатского ничего сказать не могу.

— Зря, — внезапно нахмурился Сергеич.

— Зря не могу сказать ничего про министра?

— Зря доверяешь.

— Вронской?.. — деланно удивился Стрельницкий. — А, понял. Сергей Сергеич, а как ты спать-то ложишься? Себе-то доверять вообще последнее дело, нет? Вон, морда у тебя какая, у-у, явно спецслужбистская, не хуже того же советника Халкиди...

Сергеич посмотрел на него долгим, задумчивым взглядом, не поддержав шутку, потом сделал большой глоток игристого и, наконец, неохотно ответил:

— С открытыми глазами, Саньч. И не поворачиваясь к себе спиной.

Если б Диме дали выбирать между этим званым вечером и новым боем с тварями бездны — честное слово, он бы крепко задумался. С тварями он хотя бы понимал, что делать. Он там был... ну, с какой-то точки зрения *на своём месте* — рядом с Дарой, для которой твари были *изначальными* врагами.

...рядом — и неважно, на самом деле, где.

Дара, не вдаваясь в детали, отозвалась горячей волной одобрения, но Дима с сожалением приглушил связь.

«Не переживай за меня, маленькая, всё хорошо».

...ничего хорошего на этом званом вечере не было.

Дима глядел вокруг — на дам в вечерних платьях, на мужчин в мундирах и костюмах (ордена частенько носили и те, и другие), — и как никогда остро чувствовал себя самозванцем. Ловил в зеркальных поверхностях своё отражение — и не узнавал себя вовсе.

Что он, пацан с заводских окраин провинциального города, забыл в этом сияющем обществе? Как он сюда попал?

Он ли это вообще?..

Сергей Александрович увлёкся беседой со смутно знакомым мужиком — грузным, рыжеватым, с заметной лысиной... и с характерной военной выправкой, которую не скрывал «гражданский» пиджак.

Анка пила вино, за которым гоняла официанта, и даже не оборачивалась. Гости делали вид, что не пьются, но пилились.

...делали вид, что хотят завязать беседу, но не подходили.

Словно вокруг него расплзлась полоса отчуждения — как вдоль вирсавийской Стены.

Воротник пиджака сдавил горло, но Дима не рискнул его расстегнуть — кто его знает, как тут принято? В этикетке Дима был не силён. Тем более, что этот пиджак с тем самым дурацким воротником-стойкой был... немножко символом.

Идиотским *компромиссом* — которого Дима, честно говоря, даже не ожидал. Упёрся он тогда скорее из принципа, а повод... повод мог быть любым, но случился именно этот.

...О званом вечере Стрельницкий объявил за неделю. И тогда же они поспорили так, что не выдержала даже Анка.

— Я не одену ваш мундир.

— Надену.

— Что? — сбился Дима, на секунду теряя нить разговора.

Стрельницкий только задрал бровь, мол, а что непонятного?

— Правильно говорить, — встряла Анка, — «надеть мундир». Одеть себя — надеть мундир... Хотя к форме рядового и сержантского состава словно «мундир» традиционно вообще не применяется.

— Да какая разница?..

Сергей Александрович поднял ладонь, останавливая спор, который сам же первый начал:

— Разница в грамотности, но к делу это не относится. Дим, в чём проблема, я не понимаю? Это просто парадная форма. В горах тебя ничего не смущало.

...не понимает он, ну да, как же.

— А мы больше не в горах, и я... Это вообще была легенда на время операции.

— Ну, считай поход на званный вечер ещё одной операцией.

...а может, и правда не понимает?

— Я не надену ваш мундир. Или парадную форму, или как там ещё, называйте как хотите.

— Почему? В чём разница, скажи на милость?!

— Во всём! — огрызнулся Дима.

Умеет всё-таки господин полковник госбезопасности из себя выводить.

— Я *привлечённый гражданский специалист*, забыли? И я что-то не помню, чтобы подписывал какие-то другие бумаги!

— Если дело в бумагах...

— Дело не в бумагах!

Полковник демонстративно закатил глаза.

— Чем парадная форма в твоих глазах так сильно отличается от обычной, которая у тебя в шкафу висит — и которую ты ещё две недели назад спокойно носил?

Дима сделал очень, очень медленный вдох, мысленно считая до пяти, — и шумно выдохнул. Прислушался к себе. Повторил.

...не то чтобы полегчало, но он хотя бы вспомнил о необходимости приглушить связь, мимолётно утешив Дару: всё в порядке, это их традиционные с Сергеем Александровичем разборки. Никто ни с кем не ссорится, они просто... уточняют точку зрения друг друга.

— Всем. Там... там будут люди. И смотреть они будут в первую очередь на форму — и видеть именно её, а не меня.

— Иногда это только в плюс, поверь. Ты сам это увидишь.

Разговор случился в конце ужина — и похоронил все планы на десерт: Анка, приехав с каким-то там секретным докладом, привезла коробку разноцветных эклеров, но кусок в горло больше не лез.

Дима вскочил, со скрежетом задвинув стул.

— Хватит вам и той формы, что висит у меня в шкафу.

— Дима, сядь! — повысил голос Сергей Александрович, и Дима поневоле вцепился в спинку стула, заставляя себя остаться на месте. Не поддаваться.

...должно же у него остаться хоть где-то право на собственное мнение.

— Сядь, — повторил Стрельницкий с нажимом.

Дима остался стоять, сверля взглядом точку над его плечом.

В конце концов, господин полковник — не ётун, чтоб подчинять чужую волю напрямую.

...хотя свои «волкодраки» у него есть, да.

— Мы оба знаем, что в итоге ты сделаешь так, как считаю правильным я, — в голосе полковника лязгнул металл, — потому что я здесь несу за тебя ответственность и принимаю решения. И ты... сам признал моё на это право.

Пальцы, впившиеся в спинку стула, занемели.

— Да, — сдавленно признал Дима. — Но я не сержант СГБ. Это ложь.

— Не ложь, а всего лишь один из более удобных вариантов правды, — заметила со своего места Анка, перекладывая себе на тарелку очередной эклер. — Эй, что вы оба так на меня смотрите? Сэр, я просто...

— Капитан Вронская!

— Молчу, сэр, молчу. В ваши разборки я не лезу.

— Вронская!..

На несколько секунд повисла тишина.

Дима сглотнул. Подумал. Отодвинул стул и сел обратно, так и не найдя, что сказать. Удивительное дело, но Стрельницкий молчал тоже.

— Если тебе так станет легче, — наконец произнёс он куда тише, — действительно отнесись к этому званому вечеру, как спецоперации. Такой, в которой тебе принимать участие раньше не доводилось... но ведь и тварей ты раньше не бил.

— Нет.

«Нет, не надену!» — хотел упрямо повторить Дима.

Но вместо этого сказал:

— Нет... легче не станет.

— Наша форма тебя защитит. От тех, кто лезет не в своё дело. От неосторожных — и неприятных — слов, от необдуманных жестов, от ненужного внимания...

Да-да, Дима уже слышал это от капитана Дымова там, на базе МАГА.

— Для этого достаточно вашего там присутствия.

— Ну не будешь же ты со мной под ручку ходить. Дамой со мной официально капитан Вронская идёт, ей как раз нужно свежих великосветских сплетен подсобрать.

Анка на своём месте скорчила выразительную гримасу, в каком месте она все эти сплетни видала.

— А собирать их она тоже в мундире будет?

— А вот что сразу в третьем лице-то? — фыркнула та, но под необычайно ласковым взглядом Стрельницкого заткнулась.

Полковник тоже молчал какое-то время.

Дима дотянулся до блюда и всё-таки перетащил один из оставшихся эклеров — с бледно-голубой глазурью, — себе на тарелку. Вспомнил про этикет и, уж насколько мог аккуратно, распилел эклер тупым десертным ножичком.

Из пирожного потёк неестественно яркий голубой соус.

...цвета драконьего ихора.

Диму замутило, в ушах повис неприятный звон. Спор потерял смысл — смысл потеряло вообще примерно всё. Обнулилось. Расползлось на колеблющиеся, хаотично меняющиеся ошмётки.

— В принципе, он прав, сэр, — донеслось до него, но мозг никак не мог собрать прозвучавшие слова воедино. — Мы же имеем право носить гражданскую одежду и не светить званиями. А что до впечатления... я знаю, что подобрать.

— Гораздо проще обойтись кителем.

— Вы же видите... Не проще.

Дима осознал, что все смотрят на него — и смотрят странно.

Сочувственно?

...да нет, это последствие приступа, наверное.

После того боя — после того *падения в бездну*, — его уже пару раз так накрывало.

— Се... Сергей Саныч, — старательно выговорил Дима, привычно обхватив одной рукой другую за запястье, чтобы скрыть дрожь. — Пожалуйста. Если есть в-возможность...

Сергей Александрович вздохнул.

— Возможность есть, Дмитрий Романыч. Не знаю, зачем ты себе так хочешь усложнить жизнь, но... пусть будет так. Гражданский так гражданский. Будем выбешивать господ офицеров из ДРА вдвойне.

Дима старательно приподнял хотя бы одну часть рта в улыбке:

— Что, и они т-там будут?

— Кого там только не будет, это же день памяти человека, всю жизнь посвятившего изучению бездны и противодействию ей... Но учти, я б Анке выбор костюма не доверял.

— И потратили бы время, силы и деньги абсолютно бессмысленно, — фыркнула Анка. — Уж простите, сэр, но когда вы вообще последний раз себе обычный костюм выбирали? К школьному выпускному?

Лицо Сергея Александровича на секунду стало совершенно по-человечески растерянным.

Но, конечно, только на секунду.

— Я заканчивал кадетский корпус, у нас была парадная форма.

— М-м... Какой-нибудь юбилей двоюродной тётушки?

— Если нужно было что-то официальное, то вполне хватало кителя. Я Стрельницкий. С отцовской стороны все это прекрасно понимали.

— А с материнской?

На сей раз лицом Сергей Александрович вроде и не поменялся, но как-то напряжённо, нехорошо застыл.

— ...одним словом, навыка выбирать костюм у вас нет, — быстро сориентировалась Анка, даже не пытаясь настаивать на ответе. — У Лаврова тем более. Так что давайте всё-таки я.

...Костюм она привезла накануне приёма. Пиджак, брюки, рубашку, ботинки — всё, как полагается.

Дима переживал, что костюм не сядет, а времени что-то менять уже не окажется, но когда достал пиджак из чехла, понял, что переживал не о том.

Это не была форма СГБ, нет.

Но пиджак ей... *соответствовал.*

Цветом. Фасоном. Даже, кажется, материалом.

Воротник-стойка, металлические пуговицы, швы вдоль плеча, обозначающий место, где *должны быть* погоны...

Будучи абсолютно «гражданским» — Анка не соврала, не притащила заготовку под китель, как подумалось в первую секунду, — пиджак всё равно буквально кричал о том, к какой организации принадлежит тот, кто его наденет.

...особенно с учётом того, что рядом будет полковник Стрельницкий собственной персоной.

По размеру костюм подошёл, разумеется, идеально. И даже ботинки не жали.

— Во-от. А вы не хотели мне доверять, — удовлетворённо заметила Анка, любуясь делом рук своих. — Идеальный компромисс же, разве нет?

Сергей Александрович хмыкнул и изобразил краткие аплодисменты.

Дима неловко одёрнул пиджак, разглядывая непривычное отражение в зеркале.

Ему... шло?

Бездна.

Ему определённо шёл этот грёбанный костюм.

...так похожий на военную форму.

— Да я бы и себе не доверил, — пробормотал он.

Но Анка услышала.

— Себе доверять вообще последнее дело. Но на твоё счастье, Лавров, у тебя есть мы.

Глава 2. Свои и чужие

Среди гостей эти двое поневоле цепляли взгляд. Один — высокий худощавый блондин в сером мундире полковника госбезопасности, с тростью в одной руке и бокалом в другой. Второй — хмурый темноволосый парнишка на полшага позади. Форму он не носил, но держался так, что не оставалось сомнений: к «гражданским лицам» он если и относился, то очень, очень условно.

Конечно, министр Шатский приглашал на свои вечера кого попало — вернее, любого, кто казался ему подходящим гостем на празднике в честь его знаменитого, отдавшего всю жизнь проблемам аномалии предка. Поэтому пёстрая публика, по идее, должна была поглотить кого угодно.

Но эти двое держались так, словно вокруг них была стена из пуленепробиваемого стекла, — изредка милостиво впуская кого-то в её границы.

Пускал, конечно, офицер-блондин. Он цеплял чужие взгляды, делая вид, что вовсе их не замечает, и пробирался сквозь толпу так невозмутимо, что никому бы и в голову не пришло, что от встречи с некоторыми гостями он уклонялся, а с другими, наоборот, словно бы случайно сталкивался — и, пользуясь моментом, перекидывался парой слов.

Да, никому бы не пришло — если только не следить намеренно.

Его хмурый спутник вряд ли вообще имел право голоса... Впрочем, ничего удивительного. Где ступает Сергей Стрельницкий, там нет места чужому мнению.

Вот только он наверняка не догадывался, чьё внимание привлёк, а значит, был шанс, что и уклониться от встречи не сумеет — не станет же он своё тщательно выпестованное благородное амплуа портить плебейским семейным скандалом?

О, нет, конечно, это же безукоризненный Сергей Стрельницкий!

...Вот только эту фамилию он, так или иначе, носил здесь не один.

Девушка, с которой они столкнулись, выглядела... сногшибательно.

Таких девушек обычно фотографируют на обложки журналов. Конечно, не тех, что ходят тишком по рукам среди пилотов Драконьего корпуса с комментарием «ты, главное, командующему не попадись, зачем ей такое видеть»...

Других. Где дорогие машины, духи и прочая лабуда.

...хотя, может, и *тех* тоже.

Декольте ярко-синего, вышитого блёстками платья, во всяком случае, было... даже не сказать, что *интригующим*, потому что интриги-то как раз не оставляло никакой.

Выразительным, скорее.

Светлые волосы локонами рассыпались по плечам, на шее сверкает кольцо, и Дима, пожалуй, даже не хотел знать, сколько оно может стоить.

— Ох, прошу прощения... Какая встреча!

Умело накрашенные глаза распахнулись с детской наивностью.

...вот только хищный взгляд за секунду до этого всё впечатление портил.

— И тебе добрый вечер, — сдержанно произнёс Стрельницкий.

Не представляя девушку Диме.

И Диму — девушке.

Та, впрочем, не смутилась. Склонила голову на бок, прижав к груди серебристую сумочку, и очаровательно улыбнулась:

— Не ожидал меня тут встретить, Серёж, да?

— Ну почему. Я же видел список гостей, Ирина Стрельницкая в нём значилась как сопровождающее лицо дирижёра Виталия Грамбвича, чьи музыканты сегодня будут услаждать слух гостей.

Девушка поморщилась.

— Ох уж эти твои профессиональные замашки.

...стоп, Стрельницкая?!

Дима осторожно перевёл взгляд на Сергея Александровича.

Это что, выходит, его...

— Дим, — невозмутимо бросил тот, даже не обернувшись. — Там Анка к нам идёт, принесёшь ей вина вон с того столика? И мой бокал заодно отнеси.

Дима мог бы заявить, что он тут не официант... но не стал.

Почти закаменевший в своей невозмутимости полковник с такой силой вцепился в трость, что аж пальцы побелели.

...До столика, по счастью, идти не пришлось — мимо как раз проходил настоящий официант с подносом.

— О, мог бы и розовое найти, — вместо «спасибо» выдала Анка, заглядывая в бокал. — Ладно, сойдёт.

Значок СГБ с её костюма уже волшебным образом куда-то подевался, шейный платок кокетливо съехал набок. «Работа» её явно продвигалась хорошо.

Тут она нашла взглядом Стрельницкого и издала забавный звук «о-оу».

— А Шеф влип... Да стой ты, не суйся в семейные разборки. Им нужно поговорить.

— Кто она ему? — не выдержал Дима.

Понимающее выражение на лице Анки бесило.

Нет, он и сам прекрасно догадывался, в каких случаях девушки с хищными взглядами носят фамилии твоих знакомых и фальшиво радуются публичным встречам.

Но всё равно оставалось ощущение, что тут что-то не сходится.

— Его самая глобальная ошибка.

— Молодости?

— Да всей жизни, с детства начиная. Крупнее, боюсь, уже не наошибётся.

— ...Нашёл себя протеже, да? — донеслось до них. — Тешишь родительский инстинкт за неимением полноценной семьи?.. На сына он тебе определённо по возрасту не тянет. Ты, конечно, хреново выглядишь, но я-то знаю, сколько тебе на самом деле.

— Ну а чего сразу сын? — Оказывается, Сергей Александрович умеет истекать ядом ничуть не хуже берутской кобры... и своей собеседницы тоже. — Может, младший брат. Единоразовый. Как тебе версия?

— Да как ты смеешь? — зашипела девушка. — Папенька наш, конечно, был тем ещё, но...

Дима поневоле подался вперёд, но тут Анка ухватила его под руку и потянула в сторону.

— Я же сказала, Лавров, не лезь. Это только в книжках брат с сестрой живут душа в душу. На практике у кошки с собакой и то больше шансов.

— С сестрой?

— Разумеется. Шеф не представил, что ли? Совсем на нервах об этикете забыл... Это Ирина Александровна Стрельницкая. Двадцать шесть лет, не замужем, в данный момент встречается с дирижёром Грамбвичем, до этого... Впрочем, уже неважно. Что ты так смотришь? Да, я держу руку на пульсе. Должен же Шеф знать, кому в карман утекают выделяемые ей денежки... Заведёшь себе девушку — я и про неё всё знать буду.

— Значит, не заведу, — буркнул смущённо Дима.

— Кстати, тебе вроде аспирантка Лазаревского нравилась?..

На это Дима просто не стал реагировать — слишком уж откровенно Анка пыталась его достать.

... — Что, даже не спросишь, как мама? — скрестив руки на груди, спрашивала Ирина. Если бы не трость, Сергей Александрович наверняка бы позу отзеркалил.

... так вот почему её жесты показались такими знакомыми.

— Если человек выбрал совершенно другую жизнь, в которой старым... родным нет места, я, знаешь ли, уважаю его выбор и не лезу, — сухо отвечал Сергей Александрович.

— Да? Тогда что твой нос забыл в моих делах?

Остальные гости, вняв инстинкту самосохранения, держались на почтительном расстоянии, не мешая разговору.

— Я за тебя в ответе.

— Я уже восемь лет как совершеннолетняя. Ты не имел права!

— Ну, смотрю, ты недолго в одиночестве страдала.

— Если ты Витю тронешь хоть пальцем...

— Я и того не трогал. Он, смею тебе напомнить, сам внял гласу рассудка и оставил тебя в покое. Даже машину вернул.

Ирина судорожно вздохнула, явно пытаясь подобрать достойный ответ, но разговор, очевидно, ушёл слишком далеко от намеченного ею сценария.

... Дима не знал, ради кого шагнул вперёд. Может быть, даже ради неё — чтобы ей не приходилось столь торопливо натягивать на лицо презрительное выражение.

Но скорее, конечно, ради Стрельницкого.

... ради обоих. Потому что помнил, как бурно ссорились когда-то Керны — и как болезненно Элла переживала эти ссоры потом.

— Сергей Александрович, там в дверях, случайно, не хозяин вечера?

Остальные гости тоже уже заметили господина Шатского, толпа всколыхнулась и потекла к дверям, заставив Стрельницких отступить в стороны — и вскоре потерять друг друга из вида.

... После напряжённого столкновения с сестрой Сергея Александровича торжественная часть оказалась той ещё тягомотиной. Гости расселись, на экране позади небольшой сцены появились архивные чёрно-белые фотографии, и министр, оказавшийся представительным стариком с глазами грустного бульдога, начал приветственную речь... нить которой Дима потянул секунд за двадцать.

Там было что-то про МАГА, про глобальные вызовы и то, что Андар в лице Ионы Шатского «сыграл ключевую роль в мобилизации всего мира на борьбу с небывалой угрозой», про «историческую турбулентность», через которую Андар вышел с честью, и прочие пафосные общие слова, из которых, видимо, слушатели должны были сделать вывод, что Андарская Федерация по меньшей мере спасла мир, соизволив породить такого прекрасного человека.

... а, нет, не Федерация, Империя ещё. Но это в речи тоже как-то размывалось и выносилось за скобки.

В любом случае о настоящей угрозе, о *тварях бездны* — не прозвучало ни слова. Размыто, пафосно, ни о чём.

Осторожно озираясь по сторонам, Дима заметил, что не он один потерял интерес к речи — на пару рядов дальше компания парней в серо-зелёной парадной форме с нашивками ДРА шёпотом трепались между собой. Сидящий рядом капитан тем же шёпотом шикнул на них, и парни притихли... секунд на десять.

Слишком уж откровенно выворачивать шею Дима не стал и отвернулся, успев заметить, что какой-то дородный мужик — тоже в офицерском мундире, — пялится на него, сидя по диагонали от них со Стрельницким.

Стало душно — и вертеть головой резко расхотелось.

Министр тем временем закончил речь заявлением, что Андар никогда не посрамит чести своих предков, и ему горячо зааплодировали. Даже Стрельницкий пару раз хлопнул в ладоши. Дима не стал.

...не таким Андаром он хотел гордиться.

Не страной, которая лгала своим гражданам, хороня правду о бездне под тонной пафосных слов. Которая заковывала драконов в экзоскелеты, сгоняла целые народы с их родных земель под предлогом заботы о безопасности, душила простых работяг налогами — и снова, и снова лгала, рассказывая о демократии, о том, что каждый голос будет услышан и никто не останется без внимания.

...без внимания СГБ, ага.

Диму скрутило такой тоской по Даре, по тишине и уюту их эллинга, что задремавшая было драконица там, у себя, вскочила, плотно поджав крылья и озираясь в тревоге по сторонам.

«Прости, пожалуйста, всё в порядке, всё хорошо...»

На сей раз Дара не повелась.

«Тебе грустно! Кто обидел?!»

...жизнь, лишённая справедливости?

«Никто не обидел, я просто очень-очень по тебе соскучился... Спи пока, нам тут ещё долго».

Дара чуть успокоилась и, покрутившись на месте, улеглась обратно. Сунула нос под крыло.

По связи прокатилась тёплая волна — *я-тоже-скучаю-я-тебя-люблю*.

«И я тебя, маленькая».

Дышать стало легче.

...Торжественная часть всё продолжалась — кому-то вручили какую-то награду за какие-то заслуги, все снова зааплодировали, и к сцене начали подтягиваться музыканты.

Дима присмотрелся — и нашёл взглядом одного, загорелого мужчину во фраке, с высветленными в неравномерный блонд волосами.

Рядом стояла девушка в синем платье с блёстками.

Зудящее желание сделать кому-то так же некомфортно, как только что было ему самому, толкнуло Диму наклониться к Стрельницкому и негромко спросить, кивнув в ту сторону:

— Это ведь он, да?

Сергей Александрович тоже нашёл взглядом этих двоих — и резко отвернулся.

— Он... — А потом вдруг добавил: — Не бери в голову ту сцену, Дим. Я... могу всё объяснить.

— Прозвучало ужасно, честно говоря, — чуть слышно фыркнул Дима. — Не надо. Мне Анка объяснила.

Сергей Александрович покосился на него и краем губ усмехнулся, на глазах возвращая самообладание.

— Могу себе представить, что она тебе наговорила.

— Я всё слышу! — подала голос Анка, сидящая по другую руку от него.

Тут все зааплодировали следующему награждённому, а кто-то из ДРА на заднем ряду даже невоспитанно присвистнул — памятную награду получил долговязый седой майор, показавшийся Диме смутно знакомым.

После него на сцену наконец-то вышли музыканты, расселись и принялись услаждать слух гостей чем-то проникновенно-классическим — и абсолютно чуждым Диминому вкусу.

...всё время их выступления Стрельницкий очень, очень старательно не смотрел на дирижёра.

По счастью, концерт не занял много времени, а после него вечер уже потёк своим чередом. Гости принялись общаться, угощаться, гулять по залам, из колонок полилась негромкая музыка...

Пока Стрельницкий что-то обсуждал с Анкой, Дима не выдержал — и пробрался к той компании парней в серо-зелёной форме.

...о, и девушек.

Среди шестерых пилотов, о чём свидетельствовали нашивки (эмблема ДРА и молнии на петлицах), двое — две — принадлежали прекрасному полу.

Пятеро из шестерых уставились на Диму со смесью раздражения и любопытства, мол, ну и кого тут к ним принесло... а шестой заулыбался.

— А я уж думал, всё, Лавров решил нас игнорировать.

— Ты-то как тут оказался? — озадачился Дима, пожимая Зоричу руку, а потом, по кругу, и всем остальным, включая девушек.

...дожили, он сам ищет общества ДРА.

— Вообще-то, — с нотками своего фирменного снисходительного занудства отозвался Зорич, — твой Шеф мне приглашение передал. Как твоему напарнику, между прочим... Парни, девушки, знакомьтесь — сержант Лавров, пилот Стрельницкого. Это с ним мы в горах Илариона были.

— Пилот я — Дары, — буркнул Дима, резко смущаясь под внимательными взглядами. — А Стрельницкий меня так... привлёк к операции.

— Дара — это та самая драконица? — полюбопытствовала одна из девушек, длинноногая и стриженная под парня. На погонах её красовались лейтенантские кубики.

Похоже, Зорич кое-что успел своим товарищам порассказать о боях с ётуном.

— Та самая какая? — не очень дружелюбно отозвался Дима, успев заметить, что, на его счастье, чинов тут в общении никто не придерживается.

— Которая переорала титана, — охотно пояснил старший в компании пилот (и по чину, и по возрасту — старший лейтенант лет сильно за тридцать). — Потому что, типа, сильно самостоятельная.

Дима очень постарался сдержать улыбку, но тут поймал взгляд Зорича — и они, не выдержав, всё-таки хором прыснули.

— Да, — отсмеявшись, всё ещё неловко буркнул Дима, уперев взгляд куда-то в завитки настенной лепнины. — Дара такая. Она... не под вашими препаратами.

— Ты чё, кодла, что ли? Свободу — драконам, земли — малым народам, здравый смысл — на помойку, и всё в том же духе? — хмыкнула вторая девица, куда более фигуристая, отчего Диме оставалось только изумляться про себя, как он её вообще поначалу мог принять за парня.

Да, она была в брюках, но форма была ушита, чтоб подчеркнуть всё, что требуется, а тёмно-каштановые волосы хитро увязаны в объёмную косу.

Судя по знакам различия, она была старшим сержантом, как и Зорич.

— Ну не... Никакая кода таких значков не носит, — рассудительно заметил один из парней и довольно бесцеремонно ткнул пальцем Диме в приколотую под воротом эмблему СГБ. — Это Волк экспериментатор. Мы в том декабре под его началом повоевали, я вообще не знаю, как его мозги так работают... но эффективно же, не поспоришь.

— Да мы тоже в тридцать втором с ним работали, в Иверии, можешь не расписывать...

Диме оставалось только неопределённо-утвердительно качнуть головой.

— Олег, — окликнул он, меняя тему. — Как там Семьдесят пятый?

Зорич закатил глаза.

...ну да, ладно, не те обстоятельства, чтоб в деталях на такое отвечать. Но и не спросить Дима не мог.

— Стабильно. Как Дара?

Дима пожал плечами:

— Нормально.

...мда, звучит не лучше.

— Ясно.

— ...Скучает по вам.

Зорич растерянно моргнул, но тут же закатил глаза, скрывая смущение за привычной маской «ну что ты несёшь, тупая ты кодла».

— О-о, слушайте, — оживился один из пилотов. — Но если дракон реально, типа, самостоятельно мыслит и не на препаратах растёт, то он чё, может, это... ну, злиться, там... и наоборот, да?

— В смысле «наоборот»? — завис Дима.

— Ну, типа... у тебя драконица, у Зорича дракон, и они могут, ну, типа...

— Ирещенко! — громким шёпотом рывкнула стриженная.

— Не, ну я что, сэр, мне просто интересно, а пилоты при этом...

— Ша схлопочешь у меня наряд вне очереди за такие интересы!

Побагровевший Зорич только придушено кашлянул.

Дима открыл рот, закрыл, снова открыл...

— Она ещё маленькая! — ляпнул он совсем не то, что собирался.

Господа (и дамы) пилоты заржали так, что на них со всех сторон начали оборачиваться.

Дима мечтал провалиться в бездну — и, одновременно, его окатило ощущением той самой *общности* пилотов.

Он ведь поэтому к их компании и сунулся.

Чужой для всех в этом зале — пилотам он был всё-таки отчасти *свой*.

...Идиотская шутка Ирещенко сделала своё дело, напряжение спало, и беседа потекла сама по себе. Другие гости держались от пилотов в стороне, позволив невозбранно оккупировать один из столиков с закусками, да и того капитана, что шикал на них во время речи Шатского, видно не было.

Стрельницкого Дима периодически замечал, как и мелькающую то тут, то там Анку, — но его они, по счастью, оставили в покое.

...отдыхай, сержант Лавров, в обществе себе подобных, ага.

Компания пилотов, как выяснилось, была «сборная», министр Шатский пожелал видеть «лучших пилотов нынешнего года»: двое вместе с тем капитаном были из третьей эскадрильи, девушки и ефрейтор Ирещенко — из девятой, «эмки».

— М — международная, — вполголоса пояснил Зорич. — Девятая и десятая входят в полк, который занимается инцидентами... за рубежом. Ну, если ДРА зовут.

А их звали.

— Я на рыбу теперь вообще глядеть не могу, — дирижируя шпажкой с сырным канапе, объясняла стриженная, лейтенант Рая Аскарова. — Особенно жареную. Спасибо, насмотрелась...

— И от запаха водорослей до сих мутит, — поддержала её «второй номер», Таисия Хен. — Меня тут парень затащил в никканский ресторан, мол, я просто ничего не понимаю, мне понравится... Ну, короче, меня чуть не вывернуло, и у меня больше нет парня.

— О-о, — с интересом протянула неженатая часть мужской компании.

А вот Зорич, как выяснилось, был женат.

— Юлия идти не захотела, — пояснил он Диме, прокручивая на пальце кольцо, значения которому Дима раньше как-то не придавал. — Тут все приглашения вообще-то «плюс один», но она вчера только из командировки вернулась и сказала, что идти куда-то выше её сил.

Так вот, значит, как приглашение досталось Зоричу. Анку Стрельницкий взял как свой «плюс один».

...свою даму?

Это объясняло её ядовитые ухмылки.

— ..Короче, лучше уж в пасть к вашему *ётуну*, чем ещё один морской замес, — громко резюмировала Рая и отправила в рот канapé. Потянулась за следующим. — Лавров, притащи вина, а? Тебе ближе.

Но в следующую секунду замерла — и вытянулась по стойке смирно.

Её примеру последовали остальные, и Дима, поставив обратно бокал, с тоской обернулся.

Только налететь на кого-нибудь типа Злыдни с её фирменным «это что за тело?» не хватало.

...Нет, не Злыдня, даже близко не она.

Стрельницкий. Капитан из третьей эскадрильи... И дородный мужик в мундире ДРА, но с чёрным воротом, на котором вместо петлиц были вышиты золотые гербовые орлы, и с золотыми же шитыми погонами с тремя чёрными звёздами.

Дима сглотнула.

...он, конечно, тупая кодла, но знаки различия всё-таки разбирать умеет.

Три звезды на золотых погонах — генерал-полковник.

А человек в чине генерал-полковника и мундире ДРА... это, очевидно, командующий силами ДРА.

Очень плавно и осторожно Дима тоже вытянулся, старательно не глядя на генерала. Лучше паять в пространство над плечом Стрельницкого — так как-то привычнее.

— Вольно, — протянув некоторую паузу, бросил генерал-полковник.

Голос у него оказался низкий и хриплый. Чуть невнятный, словно генерал глотал часть звуков.

...а ведь это он смотрел на Диму во время речи Шатского. Просто в тот момент приглядеться к деталям мундира как-то в голову не пришло.

— Сержн-т... Лавров?

— Да, сэр.

Несмотря на команду «вольно», расслабиться не получалось. Максимум — чуть шире расставить ноги... и вцепиться за спиной левой рукой в запястье правой, чтоб скрыть вновь вернувшуюся дрожь.

— Знач-т, вы теперь пилот... СГБ.

Интересно, а сам он из бывших пилотов? Да нет, по времени не сходится. В ДРА ещё тупо нет «своих» генералов.

Назначен со стороны. Не «драконник».

Чужак.

...дожили, теперь пилоты ДРА, считающие драконов неразумными и опасными биороботами, — «свои».

— Д-да... сэр.

— Напомните-к номер вашего дракона?

Спина от неестественной позы уже откровенно ныла, но пример Стрельницкого, застывшего за плечом генерала, ясно показывал: не расслабляться.

— Эс... С-73, сэр.

— Та самая, которую у нас лет десять назад террористы украли?

Дима прикусил губу с такой силой, что она закровила.

Заглушить связь.

Задавить дрожь.

...дышать.

Хотя бы просто дышать — можно даже не на пять счётов.

Взгляд Стрельницкого пригвоздил к месту, безмолвно требуя не вестись на провокации...

Ни по каким законам они не имеют права называть Рубина террористом!

Если б Рубин действительно этого захотел, они бы с Архом всем тут устроили даже не террор, а просто конец времён. Особенно когда к ним присоединились Гроза и Зира.

...чего там, действительно. Девять лет назад не было у столицы такой защиты от драконов. Можно было бы всего лишь воспользоваться очередной бездной — и вперёд.

Но Рубин-то не стал!

— Краденное надо в-звращать... — сквозь шум крови в ушах донёсся голос генерала.

Слова с трудом складывались во что-то осмысленное. Мир вокруг плыл — неустойчивый, чужой и изменчивый, как сама бездна.

— Господин командующий, сэр... простите, не могу с вами согласиться.

...Сергей Александрович?

Да, это вышел вперёд полковник. Не встал плечом к плечу, конечно, но повернулся к генералу, чуть сильнее, чем нужно, опираясь о свою трость.

— С-73 по вашим бумагам девять лет назад списана, сэр. Её, простите, некуда возвращать.

— Кто ж знал, господин п-лковник, что СГБ так медленно работает и вернуть её нам сможет только через девять лет? — хмыкнул генерал.

Дима наконец сумел выдохнуть застрявший в лёгких воздух — и сделать медленный, на пять счётов, вдох.

Его всё ещё мелко, противно трясло. Рёбра ныли так, будто он их ушиб вчера, а не три (или уже четыре?) недели назад.

— Считайте, что мы работаем ещё медленнее, — хищно улыбнулся Стрельницкий. — И вернуть не сможем. Сожалею, сэр. Она, вместе с моим пилотом, задействована в проекте «Доминация». А драконы, задействованные в этом проекте, в любом случае находятся в ведении Третьего специального отдела СГБ.

...это он сейчас заодно легализовал Зиру и Малика?

Тут Дима понял, что ясность мышления к нему наконец вернулась.

Он снова может дышать, смотреть по сторонам, думать... и говорить.

А генерал-полковник неожиданно усмехнулся:

— А вы зубасты, господин п-лковник. Только я не понял, вы сейчас дракона защищали или пилота?

— ...Обоих? — тонко улыбнулся Стрельницкий. — Они, знаете ли, наиболее эффективны в паре. Верно, Лавров?

Дима держал себя в руках и прекрасно понимал свою роль — спокойного и лояльного... сотрудника Третьего отдела, пусть так.

Да, прекрасно понимал.

...нихрена он не сдержался.

— Ну, самостоятельно Дара тоже вполне... эффективна. Сэр.

Повисла тишина — которую генерал-полковник разбил коротким, демонстративно благодушным смешком.

— Ладно, господин полковник, это было п-знавательно. Капитан Безсонов, наведите порядок среди ваших пилотов... Пойду выпью в честь нашего гостеприимного хозяина вечера. Стрельницкий, вы со мной?

— Воздержусь.

— Ваше право...

Генерал ушёл, и Дима со Стрельницким остались словно в вакууме — одни.

Где-то в стороне капитан выговаривал пилотам, не разбирая своих и чужих, насчёт тихих и благопристойных разговоров... но их двоих это не касалось.

— Сергей Саныч...

— Молчи, — отмахнулся Стрельницкий. — Нормально ты держался, нормально. Официальная часть позади, через полчаса мы можем уходить, всё равно танцы не интересуют никого из нас. Я тебя ещё думал, собственно, с самим министром Шатским познакомить... Не кривись, передумал уже. Он и так нарасхват, так что тебе пять минут, что он мне уделит, это его максимум на сегодня. На тебя он издали поглядел, сказал, мол, милый молодой человек, продолжайте в том же духе, дело прадеда в надёжных руках, через годик обязательно приходите ещё.

— Се-ергей Саныч...

— Что? — Стрельницкий наконец посмотрел ему в глаза.

— Я... н-на улицу пойду подышу, ладно?

Стрельницкий сориентировался быстро.

— Вон из тех дверей направо, там выход во внутренний двор. Сигареты дать?

— Д-давайте.

...он больше не мог здесь находиться.

Глава 3. Чужие и свои

Сюрреализм — вот, что это такое.

Ходить среди тех, кто с удовольствием бы тебя казнил — но не знает, что это ты.

Что ты среди них, в самом сердце Андара.

— Будешь ещё вина? — окликнул по-вирсавийски Никс.

— Буду, — согласилась Мирра, покрепче сжимая ремешок клатча, где в кошельке (под видом кошелька) лежала глушилка против «жучков», а в крышке пудреницы — стержень микрофлешки с уникальными документами, которые Ронин не рискнул декодировать своими силами и отправлять по привычному каналу, но нашёл способ передать — оставив прямо здесь.

Под самым носом СГБ.

...Наверное, за такие безумные выходки она Рона и любила, пусть и не видела ни разу.

— Белое, розовое, игристое?

— На твой вкус.

Мимо них прошли не по возрасту седой майор в мундире ДРА и женщина в тёмно-фиолетовом платье. На секунду обернулись, вежливо кивнули — и пошли дальше.

Женщина при этом смотрела на Никса, а вот офицер — почему-то на Мирру.

— Полковник Лидия Озерская возглавляет иностранный отдел ДРА, — негромко пояснил Никс, преувеличенно аккуратно выговаривая андарскую аббревиатуру. — Это через неё в первую очередь идут все переговоры о применении драконов за границей... Если, конечно, не брать в расчёт недавние события.

И искоса глянул на Мирру.

В такие моменты ей казалось — всё он прекрасно понимает.

Но... озвучить правду она всё равно не имела права. Как и он.

— Ясно, — скуечающим тоном откликнулась она вместо этого.

Никс вздохнул и протянул ей бокал игристого вина.

...Они пили, молчали и смотрели на остальных гостей. Время текло, едва их касаясь, — люди вокруг перемещались от одной компании к другой, кто-то смеялся, кто-то выяснял отношения, в замаскированных среди потолочной лепнины динамиках плавно сменяли друг друга ненавязчивые классические мелодии в современной обработке.

— Кого ты так высматриваешь? — вдруг поинтересовался Никс.

Мирра запретила себе вздрагивать, точно он её застиг на месте преступления... и усилением воли позволила клатчу повиснуть на руке, на ремешке. Как будто ничего ценного в нём нет.

Как будто ей привычно с таким клатчем разгуливать.

— Пытаюсь угадать, сколько тут агентов всяких спецслужб.

Это было достаточно близко к правде, чтобы голос звучал естественно... Но на самом деле, конечно, Мирру интересовала ровно одна спецслужба.

А точнее, ровно один человек — и она его уже видела (и не то чтобы увиденное приносило ей облегчение).

— Да не так много... — Никс протянул ей на ладони веточку необычно крупного винограда. — Всё-таки это не большой дипломатический приём. Министр Шатский приглашает сюда в основном своих друзей, потомков друзей его прадеда и тех, кто сейчас имеет дело с бездной. Как символ преемственности.

Ну да, оценила иронию ситуации Мирра, в таком случае она тут прям по адресу. Только, по счастью, никто из присутствующих об этом не догадывается.

Даже если у них есть её фоторобот (наверняка есть: рыжая, кудрявая, взгляд мрачный, движения нервные), в подруге вирсавийского дипломата никто её не опознал.

— Хотя среди обслуживающего персонала наверняка полно агентов СГБ. Как минимум из тех, что занимаются охраной важных шишек вроде самого министра или вон того генерала ДРА...

Бесшумно возникший рядом официант забрал у них пустые бокалы — и вот тут Мирра реально вздрогнула, порадовавшись про себя, что они с Никсом говорят по-вирсавийски...

Впрочем, настоящий агент СГБ наверняка знает иностранные языки?

Никс, словно прочитав её мысли, рассмеялся и обнял за плечи.

— Ну, нам о том переживать не нужно, правда?

Мирра прикрыла глаза, позволив себе несколько секунд расслабленной тишины, но потом всё-таки отстранилась.

— Конечно, Никс.

Оборачиваться не стала — не хотела видеть, как он погрустнел.

— Миррим, мне кажется, мы...

По счастью, договорить Никсу не дали — к ним направлялся его старший коллега, многоуважаемый господин Омир Халкиди, где-то оставивший свою тихую, немногословную жену.

— Николас, молодая госпожа Карна...

— Господин Халкиди.

Этот вирсавийский дипломат вызывал у Мирры безотчётную тревогу. То ли неподвижным взглядом рептилии, то ли подчёркнуто любезными манерами, то ли ещё чем-то неуловимым, неотслеживаемым, что фиксировало одно только подсознание.

Встречаться с ним глазами дольше минимальных правил приличия не хотелось — и Мирра поспешно перевела взгляд на других гостей.

...Тот генерал ДРА, о котором говорил Никс, подошёл со своими сопровождающими к компании парней в серо-зелёных мундирах и благодушно заговорил о чём-то с одним из них.

Нет, не одним из — парень, которого генерал почтил своим вниманием, носил не военную форму, а серый пиджак (недалеко, впрочем, от военной формы ушедший).

И держался перед генералом так уверенно, словно подобные беседы случались у него каждый день.

И Мирра знала, кто это. Хотела бы не знать, но уже знала.

— Никс, я... что-то мне душно. Я выйду ненадолго во двор, хорошо?

— Не простудись! Здесь холоднее, чем у нас. Накинешь мой пиджак? — засуетился Никс, умудряясь тут же извиниться за это перед своим коллегой.

— Я ненадолго, — успокоила Мирра.

Никс всё-таки всучил ей свой позёрский белый пиджак — видит Небо, в такие моменты проще было с ним согласиться.

...Спрятав озябшие руки, Мирра последний раз шумно вздохнула и, запрокинув голову, усталилась в серо-бежевое, засвеченное городскими огнями небо без единой звезды (не то что в горах).

На лицо оседала ледяная морось.

Пора было возвращаться в зал.

«Ты был прав, — послала она мысль по тончайшей ниточке связи. — Это невыносимо тяжело. Сжечь тут всё дотла было бы куда проще».

Арх не ответил, но по связи докатился тёплый отзвук, что-то вроде «только попроси».

Шумно переговариваясь, на крыльцо вышла компания мужчин — музыкантов, судя по старомодным чёрным фракам.

— ...ну и, значит, Ира мне говорит: учти, мол, но в Штальцен вместе поехать скорее всего не получится. Поссорилась с братом — и он может ей выезд за границу запретить! — рассказывал один из них, бурно жестикулируя. — Нормально вообще, да? А ещё брат, называется!.. О, простите, сударыня, мы тут закурим, вы не против?

— Я уже ухожу, — торопливо бросила Мирра и вернулась в здание, только внутри сообщив, что автоматически ответила по-вирсавийски.

Вот что значит вжиться в роль...

— А кто у неё брат-то? — донеслось ей вслед.

— Да шишка гэбэшная... Ему это раз плюнуть.

Дверь закрылась, отсекая неприятно царапнувший разговор.

Пустынный коридор встретил теплом и тишиной — гул голосов из зала доносился столь равномерно, что даже не замечался, а цокот каблучков поглотила коврая дорожка.

Правда, пустынным коридор на самом деле не был.

...Он стоял у окна, опершись кулаками о широкий подоконник. Не заметь его Мирра в зале ещё раньше, она бы прошла сейчас мимо, не узнав. Светло-серый приталенный пиджак, аккуратная стрижка... и причудливая металлическая блямба на шее, не до конца прикрытая стойкой воротника.

Мирра пару секунд честно не понимала, что это за странное украшение, но потом коротким ударом пришло осознание.

Чип.

Не особо похожий на те, что она видела, стандартные «арестантские»... но это, без сомнений, был чип-блокатор.

Явно не планируемый к извлечению.

— Вот, значит, как СГБ нынче благодарит за службу?

Лавр вздрогнул и обернулся.

— Простите?..

Это не могла быть она.

Ему почудилось.

Это последствие очередного «прихода», которыми наградила его бездна. Галлюцинация.

Девушка перед ним никак не могла быть...

Это была Мирра.

Непривычно высокая на каблучках, неузнаваемо чужая и взрослая, она застыла в двух шагах от него — в закрытом бархатном платье густого винного цвета, перетянута широким кожаным ремнём (единственным напоминанием о её привычной одежде). С дамской сумочкой в руке и мужским белым пиджаком на плечах.

Её буйная грива превратилась в прямые, блестящие, куда более тёмные, чем он привык, волосы, собранные в объёмный узел — только у лица осталось несколько локонов, но и те вились крупными аккуратными завитками.

Слишком крупными и аккуратными, чтобы это выглядело естественно.

...это точно не парик?

Мозг всё ещё отказывался верить в увиденное.

— Твой чип, — произнесла девушка с лицом Мирры голосом Мирры, убирая что-то в сумочку. — Вот, значит, как выглядит благодарность СГБ.

Дима рефлекторно вскинул руку к шее.

— Он... деактивирован. Давно.

Жалость, вспыхнувшая в Мирриных глазах, ударила под дых.

Дима торопливо отвёл взгляд, с преувеличенным вниманием рассматривая старинный пейзаж на противоположной стене.

...спроси кто, что там изображено, он бы не смог ответить.

— Что ты здесь делаешь? — сдержанно спросил он, наглухо перекрывая связь с Дарой.

Мирра нервно сжала сумочку — но сверкнула глазами довольно воинственно:

— Не твоё дело.

...а вот это определённо воспринималось легче.

К такому отношению Дима, считай, привык: Серж, «туристка» Кита...

При мысли об их самоубийственном «свидании» с Китой в новгородском баре Дима усмехнулся — и только потом понял, что усмешку эту Мирра отнесла на свой счёт.

— Что, побежишь докладывать своим новым хозяевам?

...да от такого тона в лучшем стиле разозлённого Эда по окну должны были побежать ледяные узоры.

— Я подумаю.

Несколько секунд они молчали. Дима сверлил взглядом пейзаж, Мирра — его самого.

Под её взглядом стоять было на редкость неуютно. Старые привычки требовали вытянуться перед *своим командующим*; другие — прикрыть её, защитить и вывести отсюда, пока никто не заметил, не понял, кто она такая.

...ни то, ни другое не имело смысла.

Мирра в защите не нуждалась — и уже не была его командующим.

Она имела на него прав не больше, чем тот генерал-лейтенант, командующий ДРА — на Дару.

— Тот, кто одолжил тебе этот пиджак, — как можно спокойнее произнёс Дима, словно обращаясь к соснам на картине, — он... знает, кто ты на самом деле? Это ведь тот дипломат из Одейра, да?

— Не твоё дело!

Так вот, значит, что испытывает Стрельницкий, когда сознательно выводит человека из себя?

Удовлетворение с привкусом неловкости за то, насколько это... легко?

...а ещё — что забавно — ни капли ревности.

А впрочем, слишком давно всё было, слишком *не с ним*, чтобы теперь ревновать.

— И даже не спросишь сама, что я тут делаю?

— А то я не видела!

Самообладание вернулось к Мирре неожиданно быстро.

С другой стороны — она была главой Драконьего корпуса. Конечно же, она умела при-зывать свои эмоции под контроль. Какие бы *личные* отношения их с Димой ни связывали, не стоило забывать о том, что Мирра вообще-то — один из высокопоставленных и опытных офицеров КОДА.

Не только пилот Арха.

...не он ли ей об этом сам когда-то говорил?

— Сопровождаешь Волка, ручкуешься с пилотами ДРА, как с лучшими друзьями, болтаешь с генералами... — перечислила она с неприязнью. — Стремительную карьеру сделал, да? В каком ты нынче звании?

— Гражданский специалист.

— Ну хоть сейчас-то не ври. Вон значок у ворота — это же метка СГБ. Гражданские такое не носят.

...ладно, она сама хотела это услышать.

— Я значусь сержантом особой группы Третьего специального отдела СГБ.

Ни слова лжи, как она и просила...

Миррино лицо исказилось, словно он её только что пнул.

— Как ты можешь говорить это так... спокойно? — с болью спросила она, и эта боль передалась Диме.

Но он заставил себя лишь иронично — абсолютно в духе Стрельницкого — задрать брови и поинтересоваться:

— А у меня есть выбор?

— Выбор есть всегда.

На секунду показалось, что это произнёс Рубин — и вполне логичные возражения рассыпались бессмысленными осколками.

Дима отвернулся.

— Значит, я его уже сделал.

Мирра шагнула к нему вплотную, так что он почувствовал аромат её духов — незнакомый, сладковато-дымный, как благовония.

— Какой ценой, Дим?

Он платил за Дарину свободу. Цена его не интересовала.

— Если ты не знал, — отстранившись, сообщила вдруг Мирра словно бы совершенно будничным тоном, — они пришли не только за Сорко, но и за всей его семьёй.

Дима вздрогнул, не оборачиваясь.

Вит Сорко — человек, помогший ему проникнуть на территорию вирсавийского посольства.

— Забрали всех, — размеренно продолжала Мирра. — И жену, и дочек. Дочек мы потом чудом нашли — на другом конце страны, в детдоме, под чужой фамилией... Никто, кроме тебя, об участии Сорко не знал. Фиск, наш агент, с трудом всё это выяснил, когда мы пытались понять, куда тебя... дели и что вообще произошло.

...он не помнил, что говорил на допросах в Южной цитадели. Выбросил это из памяти так тщательно, что действительно не помнил.

— Мне жаль.

— Тебе *жаль*? Это всё, что ты можешь сказать?!

Дима закрыл глаза.

— Да.

Да, жаль.

Жаль, что его тогда при освобождении из Южной цитадели этот самый Фиск не застрелил. Дара была бы свободна, и этого разговора бы не было.

...но если бы его убили, Стрельницкий, Валерич со Стариком, Ярынь с Рыбкой, Аврора, Злыдня и все остальные «тигры» тоже, может быть, погибли бы под ударами ётуна. Как погиб тот придурок Камаев, чей чёрно-белый легковес снился теперь Даре в кошмарах, в которых она из раза в раз *не успевала*.

Мысль эта была почему-то неприятной.

— Дим... — В Миррином голосе прорезалось что-то новое. Какой-то мучительный поиск утраченного. — Хватит. Я же знаю, ты не такой.

«Не такой»?

Дима обернулся к ней с кривой — столь же мучительной — усмешкой.

...а какой тогда? Он и сам больше этого не знал — куда уж Мирре гадать!

— Ты больше ничего обо мне не знаешь.

— Дим, я по глазам вижу.

— ...Ты ошибаешься.

Он стоял перед ней — но словно бы бесконечно далеко.

Чужой.

Совершенно не похожий на знакомого ей вечно взъерошенного и активного Лавра, во взгляде которого всегда подспудно читалось: «Эй, а может, дадим нам когда-нибудь ещё один шанс, а?»

Вслух он бы, конечно, ни за что в этом не признался — все знали, что Лавр принципиально не встречается с пилотами. Правда, не все знали, что послужило тому причиной.

...Сейчас он смотрел на неё холодно и отстранённо, с чужой ироничной усмешкой.

— Ты выдумала это себе, Мирра. Потому что не хочешь принимать правду... — Он подался вперёд, понижая голос: — Жить фантазиями опасно для командующего Драконьим корпусом. Очнись.

Мирра оттолкнула его — и он послушно (даже поспешно) отступил.

Хлопнула дверь, мимо прошла компания музыкантов, что курили на крыльце. По счастью, никого из них не интересовало, кто тут разговаривает в коридоре, — музыканты, судя по их репликам, торопились играть второе, танцевальное отделение.

Когда они прошли, в коридоре повисла тишина.

Лавр снова вернулся к окну и сверлил теперь взглядом темноту приусадебной территории, словно Мирра его больше не интересовала...

Но она чувствовала, что это не так. Слишком напряжённой была его спина — пиджак натянулся чуть не до треска... И когда Мирра скользнула взглядом по отражению в тёмном стекле — она внезапно поймала внимательный ответный взгляд.

Лавр смотрел не в окно — а на её отражение.

— Дим, — позвала она, пытаясь понять, ей почудилась в том взгляде тоска... или он и правда хотя бы отчасти всё ещё тот самый знакомый ей Лавр, сержант Третьего крыла Драконьего корпуса. — Зачем это всё?

— Что «всё»? — глухо спросил Лавр у её отражения.

— Почему ты так себя ведёшь? Мы же не... чужие друг другу.

Это был запрещённый приём, она знала.

Они не клялись вслух, конечно, но всё равно *тогда* безмолвно пообещали никогда не напоминать друг другу о том, что между ними было...

И чего не было.

...или это она так решила?

— Ты так уверена? — эхом её собственных сомнений отозвался Лавр с коротким, наигранным смешком.

— Обернись, а! Я не могу разговаривать с твоим затылком, — рассердилась она внезапно.

Понимала, что нельзя, что надо держать себя в руках, но всё равно Лавр этими *чужими* ужимками выводил из себя.

А ещё чип мозолил глаза.

«Контроль, — напомнила она себе, прихватывая пальцами рукав пиджака, как привыкла тербить китель. — Контроль...»

Лавр послушно обернулся. Скрестил руки на груди жестом то ли защитным, то ли равнодушным.

Из зала внезапно донеслись первые аккорды вальса — музыканты наконец начали играть.

— Ты невыносим, — выдохнула Мирра всё ещё сердито.

Лавр усмехнулся.

— Я в курсе.

— С Дарой и то договориться проще!

— Ты даже не представляешь, насколько.

— ...конечно, если она не психанёт.

— А она психанёт. Переходный возраст, чего ты хочешь.

Мирра невольно улыбнулась, поймав этот хрупкий момент мирного, шутливости разговора словно-ничего-не-было.

И позвала негромко:

— Так переходите... обратно.

...Она ещё не договорила, как поняла, что всё то хрупкое, зыбкое, как мираж, как их общее воспоминание, — разрушено одной её неосторожной фразой.

Лавр застыл.

Расслабленное выражение пропало с его лица, и он сгорбился, закрываясь своей новой, холодной отчуждённостью, как щитом.

— У меня, как ты заметила, новые х-хо... хозяева.

«Контроль... Контроль!»

— Зачем ты это сделал? — вырвалось у Мирры то, о чём она столько раз спрашивала про себя. — Почему СГБ? Зачем ты помог им похитить Малика?!

Она шагнула — он отступил.

— А зачем ты п-по... подписала приказ о моей ликвидации?

Мирра вздрогнула, уже сама отступая.

Не то чтобы она забыла — о таком невозможно забыть, — но объяснять ситуацию Лавру лицом к лицу...

Вот только «Я голосовала против, но оказалась в меньшинстве» прозвучало бы жалким, ничего не меняющим оправданием. Она — член Совета Коалиции и хочет того или нет, но несёт ответственность за все его решения.

— Чтобы... — Она сглотнула. Выпрямилась и, решившись, ответила: — Чтобы спасти Дару. Если... других способов нет, то хотя бы так.

— Спасти... от чего?

«От тебя».

— От ДРА! И от того, чтобы её потащили в бездну — убивать и умирать во славу Андара. На мгновенье казалось — Лавра пронял.

Но потом он задрал брови, изображая то чужое, непохожее на него изумление:

— А вы с Архом, п-простите, чем занимались во время нашей последней встречи?

— Спасали людей, — буркнула Мирра.

— А Даре, значит, спасать... нельзя?

— Ей нельзя попасть в ДРА! Только не ей! Она выросла свободной, думаешь, их это устраивает?

— О, их это совершенно не устраивает, — с каким-то нехорошим весельем согласился Лавр. — Но я планирую это изменить.

Мирра уже слышала это от него.

Полгода назад, когда он только начал свою охоту на профессора Лазаревского.

— Ты уже допланировался до блокатора и должности мальчика на побегушках у своего... Волка.

Лавр быстро коснулся чипа на шее — и в кои-то веки ничего не ответил.

В глазах у него появилось что-то задумчивое. Он словно бы сравнивал...

Мирру — и Волка?

— Или тебе это по вкусу? Я слишком хреновый командир для тебя, да? Не Рубин. Не поднимаю Арха в бой, не принимаю судьбоносных решений...

— Ты не Рубин, да, — тихо откликнулся Лавр.

— Я всего лишь пытаюсь выжить — и дать выжить драконам.

— Как и все мы.

— Док говорил, что если Дара попадёт в руки спецов из ДРА, всё кончится для неё плохо. Она не выживет, ей не дадут выжить, ей вскрыют башку и...

Она не смогла договорить.

Неужели он сам не помнит? Позволил себе забыть?

— Тогда ведь хорошо, что она попала не в ДРА, так? — с очень странной интонацией откликнулся Лавр, словно бы рассеянно разминая пальцами шею.

Там, где был вживлён этот проклятый блокатор.

— Почему СГБ, Дим? Это из-за чипа, да? Из-за... Дары?

Он не ответил, но Мирра вдруг почувствовала, что угадала, что наконец-то *поняла*.

То, что раньше казалось абсурдным, внезапно улеглось в простую, понятную... абсолютно *Димину*, бездна его побери, историю.

— Тебя заставили... — прошептала Мирра, шагнув к нему в неясной надежде, что теперь наконец-то всё разрешится.

Небо, как же она заблуждалась, как же все они заблуждались! Никакой добровольной сделки с СГБ не было.

Дима замер на секунду, и на лице его отразилась острейший... дискомфорт.

Но потом взгляд упёрся в пустоту над Мирриным плечом, и Дима, чуть наклонив голову вперёд, ответил — ровно, глухо, почти равнодушно:

— Это... уже не имеет значение.

— Почему? Мы можем вас вытащить, мы...

— Поздно.

— Неправда. Если ты объяснишь, я смогу добиться твоего прощения и...

— Я не объясню, — качнул головой Дима, не давая поймать свой взгляд. — Слишком поздно, госпожа *командующий*. Такие вещи стоит предлагать до того, как начинаете подсовывать Даре новых потенциальных пилотов.

— Это была инициатива Хельги! Нам надо было понять, насколько серьёзно чип блокирует связь, потому что...

— Потому что когда не вышло, вы подписали мне смертный приговор, — зло напомнил Дима... и вдруг усмехнулся, медленно обводя пальцем значок на пиджаке: — Не переживай ты так, он более чем заслужен.

Прозвучало это почему-то куда искреннее, чем всё, что он произносил до этого.

— Дим!..

— Всё правильно. Наказание за предательство — смерть... Тем более, когда это предательство стоило вам вот уже т... — он на мгновение запнулся, — двух драконов. Я... я даже не знаю, может, мне не стоит на этом останавливаться? Ну, очередным птенцам, положим, *Сергей Александрович* не обрадуется, а вот кому-то боеспособному вроде Берка...

Теперь уже он — не скрываясь, — бил по больному.

...За стеной вальс сменился на что-то танцевально-задорное и явно современное.

Мирра одёрнула пиджак Никса, чувствуя, как колотит нервный озноб. Без активной связи с Архом она ощущала себя бесконечно одинокой — но не давала себе коснуться драконьего сознания, чтобы не вовлекать во всё это хотя бы его.

— Что бы сказал Рубин, увидев нас... — вырвалось у неё тоскливое.

Дима повёл плечами, привычно пряча взгляд.

— Может, сказал бы, что цель оправдывает средства.

— Нет... — Мирре даже не нужно было обращаться к памяти Арха, она и так прекрасно помнила, каким на самом деле был Рубин. — Нет, для него цель никогда ничего не оправдывала. Он берёт драконов. Обречь их на бой — для него всегда означало *уже* проиграть.

— Может, он был и прав, — медленно кивнул Дима. — Хотя Арх, кажется, с таким подходом не очень согласен.

Мирра качнула головой.

«Был бы не согласен, — хотелось ответить резко, ехидно, зло, — он бы уже залил Анду огнём. А он всего лишь ждёт меня на “Тройке”...»

— Ты не понимаешь, — вместо этого вздохнула она, призывая на помощь всё своё самообладание. — Ты отвечаешь за одну Дару и принимаешь решения только за себя... и за неё. Ты никогда не сталкивался с той ответственностью, которая висит надо мной ежедневно! Драконы, люди...

— ...твари.

— Что?

— Драконы, твари, люди, — непонятно перечислил Лавр, внезапно развеселившись. — Прости, я перебил. Продолжай.

Но продолжать Мирре уже расхотелось.

— Я так хотела тебя увидеть, — тихо призналась она. — Посмотреть в глаза. Спросить, зачем...

— Что ж, ты посмотрела и спросила. — Лавр дёрнул краем рта в невесёлой усмешке, глядя, конечно же, не на Мирру, а мимо. — Мечты сбываются. А теперь, видимо, тебе пора.

«Я не уйду без тебя».

— Что?

Она это сказала вслух?

Деланная невозмутимость Лавра дала трещину, вновь обнажая то, насколько ему... дискомфортно от Мирриной попытки примирения.

— Я... — она запнулась. — Дим, мы должны...

— Мы никому ничего не должны, — резко произнёс Лавр, отворачиваясь к окну. — Хватит цепляться за иллюзии, Мирра. Уходи.

Она попыталась снова поймать взгляд его отражения — но на сей раз Лавр смотрел лишь куда-то в пустоту, крутя в пальцах серебристую коробочку портсигара, столь чуждую тому Лавру, которого Мирра помнила.

— Уходи, — повторил он глухо. — Уходи — или, видит Небо, я прямо сейчас пойду и доложу о тебе Стрельницкому.

— Ты этого не сделаешь!

Он обернулся через плечо с незнакомой хищной усмешкой.

— ...Хочешь проверить?

Угроза в его голосе стала последней каплей.

Развернувшись на каблуках, Мирра зашагала прочь, к залу, к бессмысленным танцам и разговорам.

К бессмысленной жизни, в которой один из самых близких тебе людей, опираясь на которого, ты когда-то буквально встала на ноги как командующий... оказывается предателем, не желающим ни спасения, ни даже прощения.

— Мирра! — раздалось вдруг сзади.

Боль и тоска в Димином голосе буквально парализовали, приковав к месту.

Мирра с трудом обернулась.

— Дим?

Какое-то мгновение Дима ещё смотрел на неё с дикой, звериной тоской... но тут же выпрямился, одёрнув пиджак.

— В следующий раз, — ровно, с чуть слышной угрозой произнёс сержант СГБ Дмитрий Лавров, — мне придётся о тебе сообщить.

— И что это был?

— Т-те... тебе какое дело.

— Ой, ну не начинай, мне есть дело до *всего*. Мне за это Шеф зарплату платит. Ну так и что это было? Только не говори, что вы вот только сейчас познакомились, я не люблю, когда свои же мне в лицо врут. Когда чужие — тоже, но на враньё своих у меня прям аллергия.

— Да-аже и не думал. Просто откуда мне было знать, что я когда-то умудрился загулять с де... девушкой вирсавийского посла.

— Посла сегодня не было.

— Ну д-дипломата. Хотя тогда она, наверное, и не была ещё его... девушкой.

— Тогда — это когда? Где? Как так вышло?

— Лет пять назад, в Сиру-Эйроне... Н-не переживай, про то, что я был в Эйроне, Шеф и так знает.

— Значит, девушек у вирсавийских дипломатов уводим? А если международный скандал?

— Выдумашь тоже. Я не увожу. Мы давно расстались и... нет, я даже не ревную. Серьёзно.

— Ну-ну... Слушай, у тебя отвёртки случайно нету?

— Чего?

— Отвёртки. Маленькой, часовой. Нож тоже сойдёт... Ай, ладно, так до дома дохромаю. О, Шеф!

— Дим? Ты бледноват. Всё в порядке? Что это была за шикарная, мечущая молнии взглядом девушка?

— Да чтоб в-вас всех... Я что, не могу даже с девушкой пообщаться без бдительного внимания СГБ?!

— Если я пошучу, что в некотором смысле ты и есть СГБ, ты попросишь Дару откусить мне голову?

— ...Сам справлюсь.

— Ты в порядке?

— Нет, но... это неважно.

— Мне — важно.

— Никс, просто сделай вид, что ничего не заметил, ладно? У тебя же это здорово получается. Ты тактичный и всепрощающий, мне такой никогда не стать.

— Миррим...

— Что, Никс?.. Эй, когда ты так смотришь, мне становится страшно.

— А когда ты смотришь мимо меня на какого-то блондина в чине полковника СГБ, ты разбиваешь мне сердце.

— Да не на него я смотрела!.. Неважно. Уже правда неважно.

— Кто это был?

— Кто?

— Кто-то, с кем ты стояла и так долго беседовала в коридоре. Я не хотел тебе мешать. Я же, как ты заметила, тактичный.

— А... Это моё прошлое, Никс. Просто прошлое.

— А я, значит, настоящее?.. Ты, кстати, замечала, что в андарском «настоящее время» значит не только *текущее*, но и... *истинное*?

— Это всего лишь игра слов.

— Но ты всё равно раздумала мне отвечать. Знаешь, порой у меня возникает такое чувство, будто мы расстались, просто... забыли это обсудить?

— Никс...

— Миррим. Я тактичный, но не дурак... Эй, ты что, плачешь? Нет? Ну конечно, ты же железная Миррим Карна. Всё равно иди сюда, нечего другим гостям это видеть... Давай до дамской комнаты провожу, а то ещё встретишь очередное *прошлое* по дороге... Тут, кстати, один офицер ДРА тебе визитку просил передать. Влюбился с первого взгляда, не иначе... Я его прям понимаю.

— Никс, прекрати меня смешить, у меня сейчас тушь размажется, а косметичку я с собой не брала, у меня одна пудреница... Эй, только не говори, что у тебя есть!

— Туши нет, прости, только карандаш. Но ты не переживай, просто размажь симметрично, никто и не догадается... На, держи. И визитку. И знаешь ещё, что, Миррим?

— Что?

— Когда в следующий раз решишь, что встретила своё *настоящее*... Пожалуйста, оставись и хорошенько подумай. В андарском смысле. И если есть хоть какие-то сомнения... пожалей того, кого встретила. Хоть ему сердце не разбивай.

— Никс...

— Что?

— Спасибо. Я... Не переживай, я... справлюсь.

— С карандашом?

— И с ним тоже.

Интермедия

Плотный картонный прямоугольник Мирра вертит в руках долго. Щупает, смотрит...

Это не визитка в прямом смысле этого слова. Здесь нет ни имени, ни персональных контактов, только эмблема ДРА, телефон и адрес их штаба на обороте.

...Наконец она замечает тонкий шов с одного края и, достав нож, аккуратно вскрывает «визитку», которая раскладывается, словно маленькая открытка.

Внутри чуть смазанные, торопливые карандашные строки.

«Тебе идёт бордовый. И смелость.

Я запомню.

Р.»

Несколько секунд она пялится в записку, ничего не понимая, — так, что даже Арх не выдерживает и безмолвно спрашивает, что это с ней. Айша, заглянув под локоть, поддерживает его недоумённым сопением (голос у неё так и не восстановился).

...И тут Мирра смеётся. Возможно, её смех отдаёт неслучившейся истерикой — самую малость.

«Ронин ещё безумнее, чем я думала, Старейший... И ещё наблюдательней».

Жаль, что списка гостей из ДРА у них нет. Было бы забавно попытаться угадать, а кто он. Запросить, что ли, у него самого?..

Но разумно ли это — ведь, работая «на заказ», Ронин рискует много больше, чем когда приносит данные, которые смог раздобыть сам. А приносит он немало... Например, те самые документы по новому секретному проекту ДРА и СГБ, над расшифровкой которых уже почти сутки бьются люди Артура Второго.

При мысли о списке гостей Мирра вдруг вспоминает ещё одно дело.

Арх недовольно ворчит — очень похоже на отзвуки далёкой грозы, и Айша поспешно прячется с другой стороны Мирриного стола.

Айша боится гроз. И сердитых драконов.

— Всё в порядке, — быстро успокаивает её Мирра.

И добавляет мысленно для Арха: «Я должна знать».

«Ты лезешь за пределы нашей зоны ответственности».

Надо же, с появлением Айши Арх, похоже, перестал звать Мирру птенцом.

«Нет, — ворчливо возражает дракон. — Я просто делаю это реже... чтобы не путаться».

Мирра смеётся и, закинув визитку в верхний ящик стола, тянется к телефону... но быстро передумывает и подвигает к себе клавиатуру.

Чего ей скрывать? Это может быть вполне официальный запрос.

«Командующий Драконьим корпусом запрашивает все имеющиеся данные вплоть до первого уровня секретности касательно полковника СГБ Стрельницкого С.А.»

Если Дима не захотел ничего объяснять... Что ж, она разберётся сама.

Айша боязливо обходит стол и суёт любопытно сопящий нос в верхний ящик. Дёргает Мирру за рукав, чтобы о чём-то (как обычно без слов, жестами) спросить.

— Не лезь в мои вещи, — строго говорит Мирра и резко закрывает ящик.

«Книга Времён» Эда и часы Рубина — не игрушки. Даже для самого скучающего, прилипчивого ребёнка.

...Внезапно Арх вскидывает голову, заставив Айшу сипло вскрикнуть и отскочить.

В разуме Арха проносится рой чужих — драконьих — голосов, и Мирра замирает, пытаясь в них разобраться.

Новости в Драконьем корпусе разносятся быстро... Тем более такие.

— Шеф Аджи? — эхом повторяет Мирра за чужими мыслями. — Сердце? Медкрыло?
А где Медей?..

Этого никто из драконов не знает.

Глава 4. Спорный мотив

Не доехав буквально ста метров, машина встряла в пробку — прямо на въезде на Новую площадь. Пробка, конечно, была не глухая, машины кое-как ползли, но пешеходы их однозначно обгоняли.

Василий беззвучно ругнулся, стукнув по рулю, когда перед ним вклинился автомобиль из соседнего ряда.

— Подрезать машину с военными номерами — это смело, — задумчиво произнёс Сергей Александрович, откидываясь на спинку кресла. — Особенно с «десятыми».

Кажется, тот водитель и сам осознал, что подрезал не того, потому что резко газанул, чуть не впилившись в следующую машину, и бешено заморгал аварийкой.

...интересно, это он сигнальной азбукой «простите меня великодушно, я не видел, что вы СГБ» передаёт?

Считать сигналы было лень, и Дима отвернулся.

— Чего застряли-то? — поинтересовался он.

— Вон, — указал Стрельницкий.

Они, наконец, завернули на саму площадь, и причина пробки стала понятна. С этого края располагалась парковка ближайших офисов, но сегодня её и окружающие улочки забили напрасно пытающиеся разъехаться машины — половину парковки перегородил кран-подъёмник, с платформы которого мужики в спецовках старательно отмывали граффити с фасада здания.

Они уже справились где-то на треть, но огромная, в пару этажей, витиеватая надпись, украшенная мультяшными взрывами и драконьими черепашками, ещё читалась:

«ЗаДРАли со своими ДРАконами!»

Граффити располагалось продуманно — так, чтоб было видно из окон штаба ДРА, стоящего аккуратно на той стороне площади.

— Выразительно, — оценил Дима, поневоле вспоминая того окровавленного геральдического орла, которого «туристка»-Кита рисовала в Старорецке.

— От месяца общественных работ или штрафа в пару зарплаты до пяти лет принудительных, — по-своему «оценил» Стрельницкий. — Тут не только порча муниципального имущества, но ещё и, хм, антиправительственная пропаганда. А судя по масштабам — группой лиц, один человек точно бы за ночь не управился.

— Не вижу никакой пропаганды, — фыркнул Дима. — Частное мнение. Не то чтобы я с ним был согласен, но...

— Частным оно было у автора сего художества в блокноте... и то, если б его приняли за что-то, подобное «частное мнение» засчиталось бы как отягчающее.

...а вопрос «Эй, меня-то за что?» — за попытку сопротивления при аресте, ага.

— Звучит не особо справедливо.

— Правосудие вообще не про справедливость, оно про охрану общественного порядка... Ну и чего ты меня таким мрачным взглядом сверлишь? — Стрельницкий отвёл взгляд от зеркала заднего вида и обернулся. — Не хочешь в штаб?

— А не хочу! — не стал отпираться Дима. — Мне общения с их командующим в субботу на вечеру во как хватило.

Он выразительно чиркнул пальцем по горлу.

Сергей Александрович словно бы всерьёз над этими словами задумался.

— Резонно, — наконец признал он. И снова замолчал.

Машина медленно обогнула площадь, приближаясь к зданию с флагами Андара и Сил ДРА.

И тут Стрельницкий резко скомандовал:

— Вась, припаркуйся.

Давно разучившийся удивляться любым приказам Василий послушно затормозил, подрулив к тротуару.

Щёлкнула блокировка дверей.

— Деньги есть, телефон заряжен? — обернулся к Диме Стрельницкий.

— А... Да, — растерялся Дима.

Сергей Александрович что, серьёзно тащил его сюда просто для того, чтобы... выгнать погулять?

...ну, не то чтобы Дима был против.

— Отлично. Василий запаркует машину на служебной стоянке и к тебе присоединится, вон, кафешки какие-то есть. Жду в штабе через полтора часа — на втором совещании ты мне точно понадобишься, там пойдёт речь о нашем горном инциденте. А вот первое... там тебе делать действительно нечего. Так что почему бы и нет... Эй, чего сидишь, уже передумал?

Дима вымелся из машины со скоростью, с которой раньше только покидал кабинет Римана после очередного разноса за «излишний авантюризм».

...авантюризм, да, но эффективный, это Риман открыто признавал.

Впрочем, командир Третьего крыла со своими разносами остался в прошлом.

Как и весь Дракониный корпус.

И вообще КОДА.

— Одиннадцать ноль-ноль, и чтоб не позже!

— Я понял!

По идее на такое надо было отвечать «да, сэр», но Дима демонстративно этим пренебрегал. А Сергей Александрович и не возражал.

Он вообще стал каким-то на удивление... покладистым во всяких таких мелочах?

...видимо, потому что в кармане кодовой лётной куртки у Димы теперь лежали документы на имя сержанта СГБ Дмитрия Лаврова.

Машина, коротко просигналив, отъехала — и он остался один.

Полтора часа — это много? Если так подумать, как будто и нет. Выпить кофе, побродить с неясной целью по магазинам, чем там ещё люди в таком случае занимаются... Даже в кино не сходишь.

...это какой-то совершенно не помещающийся в голове отрезок времени для того, кто впервые за... восемь, девять лет? — оказался полностью предоставлен самому себе посреди оживлённого города.

И, в отличие от миссий по сопровождению Мирры, опасаться ему тут было нечего... ну, кроме как подвести Стрельницкого.

Свобода? Очень условная.

Но не так давно у него не было и такой.

...Ему сердито дзинькнули куда-то в бок, возвращая в реальность.

Опустив взгляд, Дима торопливо шагнул в сторону, уступая дорогу сосредоточенной девчонке лет пяти. Малявка смерила Диму недовольным взглядом и всё так же сосредоточенно принялась крутить педали своего четырёхколёсного велосипеда.

— Простите, — усмехнулся Дима.

Малявка этим своим взглядом неожиданно напомнила ему Дару.

Оглядываясь по сторонам (на выбор была какая-то пафосная кондитерская с кружевными занавесками, хот-дожный ларёк и кафешка с многообещающей вывеской «любой* кофе по сто грёшей»), Дима вдруг задумался: да, получается, из кадетки он свалил восемь лет назад, где-то в октябре двадцать шестого... Но ведь на самом деле для него всё началось ещё за два года до этого. Где-то накануне поступления... или нет?

Нет, уже в кадетке, на зимних каникулах.

Несмотря на то, что поступил он только со второй попытки, по допнабору, и въезжать в учебный процесс пришлось, что называется, на ходу, он справился и закончил полугодие без «хвостов», так что имел железобетонный повод позадирать нос, вернувшись домой. Вот он и задрал... и буквально споткнулся о неприязнь в глазах Элки, бывшей одноклассницы, когда ей своей учёбой — не просто в кадетском корпусе, а по свеженькому «драконному» профилю! — между делом похвастался.

Элка много чего ему тогда наговорила, но в конечном итоге именно она привела его к Рубину и Доку.

Почти десять лет назад. Уже не полжизни, конечно, но всё равно...

Вот только больше рядом нет ни Рубина, ни Дока.

...он не будет думать об этом. Он себе обещал. Рубин мёртв, а Док... Док тоже считай, что мёртв.

И точка.

Ещё раз окинув взглядом кафешки, Дима выбрал ту, где был «любой кофе» со звёздочкой. За что там даже сто грошей платить, он не особо понимал — ну кофе, ну молоко, — но деньги всё равно ведь не его.

«Дома всё хорошо?..» — он быстро коснулся связи, убеждаясь, что Дара расслабленно разлеглась в эллинге и ни о чём не переживает.

...и вовсе он не сбегает от собственных мыслей в Дарины.

«Ты с СергейСанычем, что с вами случится?» — мысленно проворчала она, переворачиваясь на другой бок. Что-то в процессе уронила на пол, но проверять, что, не стала.

«Твоя вера в него потрясает».

Дара совершенно не видела в том проблемы. Вот то, что под левой лопаткой чешется, — это проблема, да.

«Попроси Малика, чтоб почесал», — хмыкнул Дима, невольно поводя плечами в попытке унять не-свой зуд.

Вместо ответа Дара мысленно фыркнуло что-то про заносчивых невоспитанных малявок, с которыми невозможно договориться.

(А Зира даже тумака крылом отвесить запрещает!)

— Добрый день, — дежурно приветливый голос девушки за прилавком заставил отстраниться от связи. — Что для вас сделать?

«Уговорить Стрельницкого вообще не тащить меня ни на какие совещания в штаб ДРА?..»

Хмыкнув про себя с формулировки вопроса, Дима мотнул головой и неловко ответил:

— Ничего... то есть, кофе.

...исчерпывающе, да, с учётом размеров меню.

А звёздочка у «любого кофе», как выяснилось, означала, что напиток можно было приготовить так и эдак и добавить в него дикий список всяких ингредиентов — но за все эти дополнения нужно было платить, так что у особо изощрённых вариантов ценник от обещанных «ста грошей» взлетал втрое.

Привыкший ровно к трём видам (растворимый из банки, пакетик «два в одном» и свежесваренный от Тамары Георгиевны), Дима оглядел список и понял, что попал.

— У нас есть на ваш выбор...

Девица в фартуке с логотипом кофейни явно изготавилась перечислить весь ассортимент, но Дима её перебил, ткнув в меню буквально наугад:

— Вот. Мне кофе по... э, по-эальски.

Ему повезло — кофе по-эальски оказался не чёрной горечью в стиле утреннего кофе Сергея Александровича. Точнее, ту самую горечь, в которой едва угадывалась капля молока, скрашивала шапка взбитых сливок.

Поверх неё лежала малюсенькая чёрная шоколадка с логотипом кофейни, что, в сумме со сливками, окончательно поднимало напиток над конкурентами.

Но до уровня Тамары Георгиевны, пожалуй, всё же не дотягивало.

...и вот когда, спрашивается, он успел стать таким эстетом?

Это всё Стрельницкий, конечно. Приучил к комфортной жизни и потолкам в три метра.

Устроившись на барном стуле у окна — с видом на суету вокруг полуотмытого граффити, — Дима грыз выловленный из сливок шоколадный кругляш, запивал его кофе и в целом испытывал необычайное, почти дискомфортное умиротворение.

...в прошлый раз, когда его настигло подобное ощущение, им на голову свалилась Зира.

Впрочем, время шло, а никто сваливаться на голову не торопился. Редкие посетители, не задерживаясь, брали напитки на вынос, уборщики через дорогу воевали с граффити — на стоянку как раз пригнали второй подъёмник.

Краска оказалась на редкость стойкой.

...а обзор из кафе — почти идеальным.

Не испытывая особо тёплых чувств к ДРА как явлению, властям и коммунальным службам, Дима с долей злорадства наблюдал за развернувшимся действием, прихлёбывая кофе и думая, что на месте художника это зрелище ни за что бы не пропустил.

Он словно вернулся на секунду в прошлое, когда сам был злым на андарские власти, лихим придурком, не нарастившим ещё груза ответственности за свои действия и весь драконий род...

Секунду прошла, иллюзия развеялась.

Возвращая себе самообладание, Дима коснулся успокоительно прочной связи, но Дара уже задремала, и он не стал её тревожить — пусть набирается сил. Она много потратила в октябре.

Выспавшийся дракон — довольный дракон.

А художник... какая разница, кто там этот художник. Да хоть Кита, граффити вполне в её духе.

...Какое-то неосознанное беспокойство толкнуло под локоть, заставляя на мгновение замереть, вглядываясь в смутное отражение в стекле, — и осторожно обернуться.

Упереться взглядом в хмурое лицо под капюшоном тёмно-серой толстовки.

— Бу, — мрачно произнесла его девочка-смерть, диковато сверкнув глазами.

Бездна.

Дима подобрался, пытаясь просчитать доступные варианты.

Набрать Василия?

Поднять шум?

...замереть, хлопая глазами? Да, вот это, походу, его вариант.

Кита поставила на стойку картонный стакан и со скрежетом подтащила второй барный стул.

— Есть разговор.

Пожалуй, именно в этот момент нужно было валить — но Дима не двинулся с места. Сбежать и лопнуть от любопытства, так и не узнав, с чего такой заход? Нет уж.

— Для человека, которому подписан смертный приговор, — всё так же хмуро, негромко, но очень веско произнесла Кита, усевшись, — ты слишком наплевательски относишься к собственной безопасности. Сидишь тут среди бела дня... Не боишься, что я тебя прибую?

— Ну, хотела бы прибить, не заговорила бы... — Он кривовато усмехнулся. — А не боишься, что я тебя сдам?

Ему ответили взглядом исподлобья, достойным не вовремя разбуженного дракона.

— Хотел бы, сюда бы уже неслись меня арестовывать.

— Так может, и несутся. Пока я тебя... забалтываю.

Собственные интонации неприятно напомнили Стрельницкого в моменты, когда он включал «полковника госбезопасности».

Если Ките и стало не по себе, виду она не подала. Наоборот, прищурилась зло и даже с некоторым энтузиазмом.

— Думаешь, я не успею свалить, оставив тут один симпатичный труп? Хотя ты Волку ценен, стоит попробовать в заложники взять... в крайней случае тебя свои же и пристрелят.

Это прозвучало до того обыденно, что мурашки по спине пробежали уже у Димы.

Он аккуратно закрылся от Дары, радуясь, что драконица спит, и нарочито медленно отхлебнул кофе.

— Возможно. Так о чём ты хотела поговорить?

Кита изучала его несколько секунд, словно заковыристую головоломку. Наконец откинула капюшон и, выпрямившись, скрестила руки на груди.

— Ты меня не сдал — там, в Новогорске. Почему?

Она говорила хрипловато, отрывисто, тихо — опасаясь чужих ушей.

На её счастье, других посетителей в кофейне не было, а девушка за стойкой вообще ни на кого не обращала внимание, погрузившись в чтение учебника по «Истории андарского права» (довольно тоненького, что показательно). Из колонок в углу, заглушая разговор, неслась ритмичная попса с бессмысленным «я тебя, ты меня, ля-ля-ля» («убью» или «люблю» — не разобрать), и Дима не сомневался: Кита всю обстановку проанализировала ещё до того, как вообще к нему подошла.

...она здорово рисковала уже самим фактом такого вот контакта.

— А почему ты думаешь, что не сдал? — осторожно спросил он. — Может... тебя просто не нашли?

Кита только закатила глаза.

— Они бы перетряхнули весь *кимрийц*. — И, заметив вопросительный взгляд, пояснила: — Вы называете это диаспорой.

Дима поморщился. Его всегда коробило это слово по отношению к кимрам, живущим на *своей же* земле.

— Ну-у... а может, я просто не упомянул, что ты из кимров?

— О... эфа ли рудо, ос гаэ'й вир?

...судя по откровенно передразнивающей интонации и яростному взгляду, это был какой-то особо изошрённый кимрский мат.

Дима задрал брови, всем своим видом демонстрируя недоумение.

— ...А может, я тебя убью, если всё это так? — после выразительной паузы вполне цензурно перевела кимрийка. Потом вздохнула и уже спокойнее объяснила: — Нас видели в баре. Я носила *орье*. Ты мог никак меня не описывать вообще, они бы нашли свидетелей, а дальше всё просто: где один кимр, там и весь кимриц... Они всегда так делают.

Определённая беспощадная логика в этом была: когда за поступки одного — даже «залётного» гостя — отвечает вся община, сто раз подумаешь, прежде чем что-то сделать...

Правда, вряд ли это останавливало бойцов «Ир-Кецаля» — да и лояльности андарским властям наверняка не прибавляло.

— Сдаюсь, — отставив кофе, поднял ладони Дима. — Никому я о тебе не рассказывал, это правда.

Ответ Киту всё равно не удовлетворил.

— Так почему?

— Почему не рассказал? Ну...

В памяти пронеслись смазанные образы: ночная темень, рёв Дары, клинок, врубающийся в плоть тварей, давление аномалии, зыбкий, расползающийся на ошмётки мир...

— Эй!

Болезненный толчок в плечо заставил покачнуться, на долю секунды теряя равновесие, — и всплеск адреналина вернул в реальность.

— Ты чё? — буркнула Кита.

...ему почудилось, или в её голосе проскользнула нотка беспокойства?

— Ни-и... чего, — почти поборов внезапно вернувшееся заикание, помотал головой Дима.

— Ты чё-т сбледнул.

— Н-на... нормально всё. — Глубокий, почти медитативный вдох, пять счётов, медленный выдох, щедрый глоток кофе. — Не обращай внимание. Мне реально было не до того, чтоб сообщать о тебе. Да я и не собирался.

Окружающее пространство всё ещё ощущалось зыбким, и он будто цеплялся взглядом за лицо Киты, чтоб не упасть.

За её веснушки, напряжённый взгляд диких карих глаз, за две тёмно-русые косицы, заплетённые на сей раз безо всяких традиционных узлов. За неотмытый след чёрной краски над бровью, под неровной чёлкой — как будто Кита, рисуя, почесала лоб и сама того не заметила.

...он первый раз мог её вот так спокойно разглядывать, не опасаясь за свою жизнь.

— Почему? — с нажимом повторила Кита.

— Заладила...

Дима потёр виски, стараясь прийти в себя. Отпил ещё кофе — организм отозвался волной жаркой, как регенерация, дурноты, но следом за ней пришло и облегчение.

Где-то в фоне Кита продолжала настырно спрашивать: почему, зачем...

Если б он сам знал.

— Ну хватит, — оборвал он, выдохнув. — Ты меня не убила, я тебя не сдал, вопрос закрыт. В конце концов, ты и сейчас что-то не торопишься.

— Не тороплюсь, — на удивление покладисто согласилась Кита. И продолжила так тихо и зло, что Дима опасливо наклонился к ней, чтобы расслышать: — Но ты ведь не знаешь моих заданий, Лавр. Может, тебя я сейчас и не трону, а потом выйду отсюда — и ликвидирую кого-то ещё...

«...Например, Волка?»

Последнее она произнесла одними губами, и Дима, подавшись вперёд, чуть не столкнулся с ней лбами.

От Киты пахло кофе, карамелью и чем-то резким, химическим. Растворителем от краски?..

Горячее дыхание обжигало.

— Так что, продолжаешь играть в благороденького? — резко отстранившись, спросила она уже обычным голосом.

Сунула руку в карман и, достав, продемонстрировала ту самую юбилейную монету, знак «композиторов» КОДы. Подкинула, поймала, «пробежала» монетой между пальцами.

— Я... — Дима с трудом оторвал взгляд от мелькания монетки и уставился в окно. — Я просто не хочу.

Он не хотел представлять Киты в допросной. Не хотел вспоминать, через что прошёл в Южной цитадели, и ещё сильнее не хотел, чтоб эта бешеная, непредсказуемая кимрийка проходила через что-то подобное.

Кита разочарованно фыркнула.

— Тупо. Выбираешь пожертвовать кем-нибудь не глядя, лишь бы самому остаться чистеньким?

И тут Диму прорвало.

— Слушай, вот давай ты не будешь за меня решать, кем мне жертвовать! — Он повернулся к ней так резко, что качнулся стул. — Нашла благородного, ага. А сама-то великий циник, да? Думаешь, лишние трупы мир лучше делают?

— Заткнись, а?

— А вот и не заткнусь! — рявкнул он шёпотом, перехватывая её руку, и, силком разжав пальцы, отобрал монету.

Кита ответным движением — таким быстрым, что не спасла и пилотская реакция, — вцепилась свободной рукой в его кулак, пытаясь вернуть монету себе.

Несколько секунд они молча, ожесточённо боролись... а потом так же резко замерли, сверля друг друга яростными взглядами.

— Хочешь циничности? — выдохнул Дима, почти сталкиваясь с ней лбами. — Пожалуйста: *мне плевать*. Реально плевать — на твои задания, на высшие смыслы и твою доморощенную философию. Я не буду выбирать, кем жертвовать, — я выбираю спасать, ясно?.. Даже такую упёртую дуру, как ты.

Кита попыталась выдернуть руку, но Дима не отпустил, удерживая по-девичьи узкое запястье.

...сожми чуть сильнее, и тонкие, как у птицы, косточки хрупнут в руке.

Тишина.

Кажется, они оба не знали, как реагировать на эту вспышку.

Накатило чувство неловкости, и Дима разжал пальцы, отстраняясь. Кита торопливо одёрнула рукав, покрутила кистью, вызвав у Димы некоторые угрызения совести. Схватила свой стаканчик и сосредоточенно уставилась в окно.

Дима вздохнул и тоже стал смотреть на войну граффити и уборщиков.

Уборщики, конечно, брали числом, но даже там, где краску отёрли, общие очертания букв всё ещё проступали.

— Твоих рук дело?

— Ну, в том числе, — хрипло буркнула Кита куда-то себе в стакан.

...она что, смутилась?

— И давно любишься?

Кита, помолчав, дёрнула плечом.

— Всё утро уже.... Жизнь, как и граффити, скоротечна, надо успеть налюбоваться. — Она со странным выражением лица отсалютовала своему рисунку стаканом. — А тебе, драконник, что, неприятно?

«ЗаДРАли» — всё ещё виднелось на доме.

«Задрали», — мысленно согласился Дима.

— Знаешь... мне особо не с чего ДРА любить.

— А как же драконы?

Кита, наконец, обернулась, и под её внимательным взглядом стало не по себе. Он определённо наговорил ей куда больше, чем намеревался.

...жалел ли он о сказанном? Нисколько.

— Это ты просто нормальных драконов не встречала.

— Онно-эре миловал...

Онно-эре — «Отец-Небо», это обращение Дима от кимров в КОДе частенько слышал.

— Между прочим, Лавр, ты мне должен за твою дракониху. Знаешь, какой у меня синячище от её хвоста остался на боку? Она вообще не глядя приземлилась!

— Покажешь? — провокационно ухмыльнулся Дима и тут же охнул, получив кулачком в бок.

— Придурок!

О-о, она реально смутилась.

— ...и вообще он рассосался уже давно.

— Если уж мы про «вообще», то это ты мне должна.

— За что?!

— За то, что Дара оказалась не в курсе твоих намерений. Иначе обошлось бы без синяков... и без кое-чьей головы заодно.

— Да я ей... — и Кита растерянно осеклась.

Ну да, что одна маленькая, пусть и очень суровая убийца КОДы сделает с сердитой драконицей?

Дима многозначительно промолчал.

...Ставя точку в разговоре, в кармане зажужжал телефон.

— Да?

— Ты где сидишь? — поинтересовался Василий.

Долго же он машину парковал... или, что вероятнее, просто зацепился там с кем-нибудь языком.

— Ну... — Дима попробовал сориентироваться, — где кофе по сто грошей.

— Это слева или справа от штаба?... А, всё, вижу. Давай, сейчас приду.

Отложив телефон, Дима взглянул на Киту.

— Тебе пора.

Она это и сама поняла. Спрыгнула с барного стула, накинула капюшон... и замерла, не оборачиваясь.

— Тебе пообещать, что я тебя и в этот раз не сдам? — миролюбиво усмехнулся Дима.

Кита развернулась к нему — тревожно-уязвимая в глубине своего капюшона, почти растерянная.

Внутри что-то ёкнуло.

...очень, очень нехорошее предчувствие.

— Волк сейчас ведь в штабе ДРА? — тихо спросила она вместо ответа.

Дима взвешивал «за» и «против» долю секунды.

— Да.

— Не ходи туда.

Не то чтобы Дима сам туда торопился, но...

— Так. — Он постарался скрыть напряжение в голосе, столь легко переходящее последнее время в угрозу. — А если пойду, то что?

Кита уже взяла себя в руки — и с показным равнодушием пожала плечами:

— Лишишь меня удовольствия когда-нибудь тебя прибить.

Это угроза?

...это предупреждение.

— Всё-таки пойдёшь? — после паузы спросила она почти осуждающе.

— ...Да.

Теперь он попросту обязан.

— Дурак, — с интонациями, словно подслушанными у Дары, вздохнула Кита.

И, подхватив свой стакан, выскользнула из кафе, разминувшись с Василием буквально на полминуты.

Юбилейная монетка осталась у Димы.

...Коротко кивнув, Василий оглядел помещение и погрузился в изучение меню.

— Так. Мне, пожалуйста... Лавров, ты что брал?

— Кофе по-эальски.

Дима прыгнул с барного стула, накинул куртку — её привычный вес успокаивал.

...должен был успокоить, но нет.

— Слушай, может, я пойду уже?

Внутри неровным пульсом стучала тревога.

Кита его *предупредила*, это очевидно. Зачем ей это?..

А зачем ей вообще этот разговор был нужен? Дима мог искать подтексты и хитрые планы внутри планов — но выбрал ей верить. И был обязан предупредить Стрельницкого.

...правдоподобную версию, откуда у него эта информация, он придумает как-нибудь потом.

— Да куда торопишься, у тебя ещё минут сорок, — отмахнулся Василий.

— Ну... нагулялся?

Василий обернулся, смерив его недоверчивым взглядом.

Дима сунул руки в карманы куртки и качнулся с пятки на носок, всем своим видом показывая, что в целом ему не к спеху, но...

— Сиди уж. В любом случае мне тебя поручили, так что двинем не раньше, чем я кофе выпью... Мне, пожалуйста, двойную классику, средний объём.

Это он уже девушке за стойкой.

Встав рядом, Дима повернулся к нему и тихо, но выразительно напомнил:

— А ничего, что я тут уже сколько времени один сижу? Как я без твоего присмотра-то обошёлся?

Он, конечно, не планировал ничего подобного специально.

Но эта идиотская манера Сергея Александровича заставлять кого-нибудь Диму «пасти» сидела уже в печёнках — и шанс загнать Василия в ситуацию, когда тот *уже* проштрафился, подвернулся очень... вовремя.

Если они сейчас смогут замять этот момент, если Василий *умолчит* об этом в докладе Стрельницкому — то умолчит, скорее всего, и в следующий раз. Или разы.

А Диме нужна эта грёбаная свобода действий. Он не собирается сбегать, он не собирается делать ничего предосудительного — просто вот зачем ему лишний присмотр, если вдруг захочется, ну, например, в кафе с девушкой посидеть?

...а девушка, по удивительному стечению обстоятельств, окажется спецагентом КОДы, ну да.

— Лавров... — Василий тяжело вздохнул, поворачиваясь к нему. — Ну не начинай, ради Неба, ну? Мало ли. Потеряешься ещё...

— Ну ведь не потерялся же до сих пор, — усмехнулся Дима. — Это ты куда-то пропал, а я, как честный человек, всё это время здесь просидел, кофе пил — как с Шефом договаривались.

— Ну просил же, не начинай, — закатил глаза Василий.

— Да я ж ещё не начал...

— Двойной классический! — громко объявила девушка, ставя на прилавок стаканчик, от которого пахло крепким чёрным кофе без капли добавок.

Похоже, спор посетителей ей действовал на нервы, даже если она за шумом кофемашины его не слышала.

— И ещё один классический, пожалуйста, — решил Дима, плечом подвинув расслабившегося от лёгкой победы Василия.

Расплатился, дождался своей порции... и, забрав, невозмутимо прошёл мимо Василия к выходу. В дверях обернулся, отсалютовал стаканчиком, и пояснил:

— Я Шефу кофе должен.

— Тьфу ты, Лавров! Ну дай ты хоть кофе допить!

— Я не потеряюсь, — заверил Дима.

И вышел, не дожидаясь ответа.

...внутренний таймер интуиции орал, что времени на вежливость у него уже нет.

Дежурный солдатик на входе в штаб придирчиво рассмотрел его документы, далёкую от форменной одежду (кодовская лётная куртка с шевроном «волкодраков», зелёные полевые брюки, берцы), позвонил кому-то и разблокировал турникет, с некоторой завистью провожая взглядом стакан кофе.

Шагая к лифту, Дима полез в карман за телефоном, но тут сзади раздался смутно-знакомый голос:

— Дмитрий Лавров?

— Ну, я... — Дима обернулся и смерил взглядом высокого седого майора, — ...сэр.

Память неожиданно быстро подсунула имя: Юрий Арсланов. Тот самый майор из комиссии, собранной Стрельницким ради них с Дарой давным-давно, в конце сентября.

...тот самый пилот, который во время Форосского инцидента ликвидировал своего дракона.

Заметив, как поменялся Димин взгляд, майор с недоумением поднял брови:

— Какие-то проблемы?

— Никаких, — процедил Дима.

— Вы к Стрельницкому? Насколько я понимаю, вы теперь... его сотрудник?

— Да.

Сразу на всё.

Только чтобы не спросить: *а каково это — убивать собственного дракона?*

Он дал команду на экзоскелет ввести инъекцию — или пришлось стрелять? Слышал ли он по связи саму смерть или не посмел, закрылся наглухо?

...себе Дима и чужого-то дракона простить до сих пор не мог.

Драконоубийца.

Впрочем, выглядел майор вовсе не злодейски — просто усталый мужик в форме, с ранней, но обильной сединой и горькими складками у губ.

— В таком случае, — в голубых глазах майора промелькнуло какое-то разочарование, — пойдёте, Лавров, я вас провожу. Нам на третий этаж.

Тренькнул подъезжающий лифт, открылись двери. Майор жестом предложил Диме заходить первым.

...не доверял.

Он откровенно Диме не доверял и буквально отконвоировал до нужного кабинета.

Что ж, имел право с учётом того, чему стал свидетелем на той комиссии.

— Полковник Стрельницкий сейчас на совещании по «Бастиону». Ваш уровень допуска позволяет?..

Дима понятия не имел и слышал про этот «Бастион» впервые в жизни. Но времени ждать под дверью точно не было.

— Разумеется, — со всей возможной уверенностью кивнул он. — Я бы и так пошёл, но обещал Шефу кофе.

Взгляд майора похолодел ещё на пару градусов.

Дима, выдохнув, энергично постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, сунул голову в кабинет.

...вот сейчас ему её и оторвут.

— Сергей Саныч... Сэр. На пару слов.

Сергей Александрович обернулся к нему, с откровенно весёлым изумлением задирая брови.

— Лавров?

Чем веселее изумление — тем хреновее ситуация, это Дима уже запомнил. Последний раз Сергей Александрович так изумлялся, когда обнаружил Диму с агентом КОДы во время попытки сбежать из Южной цитадели...

Похоже, он сейчас очень, очень не вовремя и только что нарушил все мыслимые и немыслимые правила.

— Это срочно, сэр.

— Господа, предлагаю перерыв, — объявил Стрельницкий, поднимаясь из кресла.

Офицеры ДРА остались сидеть. На белом экране, куда Дима, не удержавшись, бросил любопытный взгляд, была выведена карта Андара с заштрихованными областями.

Слайд был подписан «Зоны первичного охвата».

Хотят мониторить бездну, что ли? Но зачем, если есть базы МАГА?.. Причём закрашенные зоны на карте с их расположением совпадали только в районе гор Илариона.

— Не стой на пороге, — негромко произнёс Стрельницкий, подходя.

— Ваш кофе.

— Что?

Вот теперь Стрельницкий совсем изумился.

— Я вам всё ещё должен полкружки кофе.

— Дим, если это единственный повод...

— Нет, — перебил Дима вполголоса. — Я... Нам нужно уходить. Я видел кое-кого... знакомого на площади и уверен, что... что цель — вы.

Стрельницкий всё ещё продолжал удивлённо улыбаться, но взгляд уже стал ледяным и сосредоточенным.

— Майор Арсланов, — громко обратился он, — благодарю, можете идти.

Оказывается, майор так и торчал у Димы за спиной.

— Конечно, сэр, — спокойно кивнул тот и, развернувшись, пошёл обратно к лифту.

Сергей Александрович в молчании дождался, пока майор Арсланов шагнёт в кабину, и только после этого вышел в коридор.

Повернулся к Диме.

— Так, Лавров, а теперь ещё раз в темпе и дета...

Он не успел договорить.

Ей давно пора было возвращаться в своё убежище. Граффити уже смыли, а что не получилось оттереть, оперативно закрашивали. Смотреть больше было не на что.

Но она не уходила.

Медленно шагала по площади, сердилась на себя, поминала по-кимрски всех выроdkов бездны — и особо одного конкретного Лавра...

И не уходила.

Она видела, как он зашёл в здание, и поневоле отсчитывала про себя время: вот он должен был пройти проверку документов... подняться — неважно, какой там этаж, в любом случае вот сейчас уже наверняка... дойти до Волка...

Ничего не происходило.

Серdito велел себе не страдать ерундой, она надвинула капюшон поглубже и повернула к автобусной остановке. Прежде чем вернуться на точку, стоит попетлять по городу, сбросить возможный «хвост».

Хотя если за ней следят, уйти ей после такого далеко не дадут.

...Она не успела пройти и трёх шагов, как сзади раздался громкий хлопок, крики, а сразу следом — завывания пожарной сигнализации.

Из выбитых окон на третьем этаже штаба ДРА поднимался дым.

Вот теперь, конечно, уже точно пора было валить. По-хорошему, её вообще здесь быть не должно — командование, если узнает (а оно, конечно же, узнает), по головке за граффити не погладит...

Но она не ушла. Ни когда примчались пожарка и скорая, ни даже когда на парковку в переулке за штабом влетели одна за другой несколько машин и автобус с чёрными номерами якобы десятого «региона», из которых высыпали бойцы в чёрных масках.

Здание оцепили, зевак отогнали, началась эвакуация...

Лавр так и не вышел.

Глава 5. Упустить момент

Полковник Стрельницкий умеет замечать... детали.

Те детали, которые говорят о ситуации куда больше озвученных слов.

Поэтому напряжённое лицо Димы, бесцеремонно ввалившегося на закрытое совещание (с которого Сергей нашёл такой отличный повод его убрать!), буквально вострубило, что дело дрянь, ещё до того, как Дима смог собраться с мыслями и предупредить о покушении.

Сергей сработал на автопилоте: убрал лишние уши в лице местного майора, покинул кабинет, быстро прикидывая возможные сценарии...

Снайпер или бомба?

Окна безлюдного коридора выходили на площадь, аккуратно напротив здания с уже ликвидированным граффити. Будний день, офисы, суeta с этой уборкой — стрелок вполне мог туда пробраться.

А вот пронести бомбу в штаб мог только кто-то из «своих»... И это дольше и сложнее, тем более, кто-то тогда должен так или иначе — хотя бы по скрытой камере, которую тоже ещё надо установить, — контролировать ситуацию и дать сигнал на подрыв строго в определённый момент в определённом месте. Это же вам не Управлении СГБ, здесь у Стрельницкого нет собственного кабинета, где он *гарантированно* будет в нужное время (и то ведь в прошлый раз ему повезло припоздниться).

Межведомственные совещания — это, конечно, веский повод присутствовать, но никто не отменяет перекуры, перерывы и переносы в другой кабинет или на другое время.

Такое проще проверить на улице — под ту же машину заряд подложить, пока Василий кофе пьёт... без Димы, между прочим, в нарушение всех выданных ему инструкций (кажется, кто-то только что лишился в этом месяце премии).

Всё это пронеслось в голове за те доли секунды, что Стрельницкий разворачивался, вставая так, чтоб не маячить в окне.

— Так, Лавров, а теперь ещё раз в темпе и дета...

Он всё-таки переоценил противника. Или недооценил (или же целью был не он).

Коридор — пуст, да.

Но взрыв гремит в кабинете.

Ударной волной выносит дверь с куском стены, толкает в грудь... Нет, это Дима вполне профессионально сбил с ног, прикрывая (откуда бы у простого драконьего пилота такие рефлексы?..).

Темнота.

...Глухо кашляя от пыли, Стрельницкий спихнул Диму с себя и осторожно поднялся — мир неустойчиво качнулся под ногами.

Мысли в голове путались, последние минуты начисто выпали из памяти, но главное Стрельницкий знал точно: в нескольких шагах от него сработала бомба. Но он всё ещё жив.

Пистолет почти сам скользнул в руку: если бомбу подорвал кто-то из местных, то может явиться «проконтролировать» ситуацию, пока не набегали ненужные свидетели.

Сам бы Стрельницкий так и сделал.

Шаг, ещё шаг сквозь клубы пыли и дыма. Взгляд мечется по сторонам, выхватывая лишь осколки стекла, куски бетона, щепки... Никого. Никого.

Дима, плечом вытирая натёкшую из уха кровь, что-то кричит, но слова расплываются (зато пожарная сигнализация воеет вполне отчётливо, вкручивая в виски по тупому шурупу).

В носу хлупает кровью, и по правому рукаву тоже течёт горячее — Сергей торопливо ощупывает плечо. Смотрит на ладонь с тёмно-коричневыми разводами, на смятый бумажный стаканчик под ногами...

Не кровь. Кофе (откуда тут кофе?).

Они живы?..

Нет, выдыхать ещё рано. Слишком рано.

— Сэр!..

По коридору уже бежал дежурный, из дальнего кабинета высыпали возбуждённые офицеры — и сразу же закашляли от гари и пыли. Кто-то бросился к Стрельницкому — и отшатнулся, наткнувшись на его дикий, напряжённый взгляд.

— Все назад, — рывкнул Сергей, с трудом поборов кашель.

И покачнулся. Поспешно оперся рукой о стену, сосредоточился (ему нельзя сейчас падать в обморок, как трепетной барышне).

— Начальника охраны сюда! Никому... здание не покидать!

Мир завертелся спиралью коротких распоряжений, звонков, шагов и жестов.

До приезда спецгруппы СГБ Стрельницкий обязан был взять всё на себя. Пускай куда больше ему хотелось лечь и сдохнуть на радость тому, кто установил бомбу (по счастью, всего одну).

— Дим! — окликнул он, как только раздал первые указания.

Не дождался ответа, обернулся. Неосторожное движение отдалось острой болью в надбровьями и тянущей — в спине; собственный голос звучал искажённо, словно доносился из ведра... мятого, полного сердитых шмелей жестяного ведра, в которое превратилась голова.

Димы среди вновь заполнивших (теперь уже по делу) коридор людей не было.

Сергей выругался, опять закашлял (очень хотелось высунуться в разбитое окно, глотнуть свежего воздуха, но нельзя). Рация, выданная ему начальником охраны, трещала обрывками переговоров, но гудение сердитых шмелей в голове мешало прислушиваться, а гарнитура при падении разбилась.

...Где носит его безумного пилота?

Только бы он не полез сам расследовать... или спасти кодового агента (а он мог, да — как покрывал того, с кем подрался на заброшенном аэродроме).

Подержавшись несколько секунд за виски и выдохнув сквозь зубы «небодаймнесил» — максимум саможаления, которое он мог себе позволить, — Сергей быстрым, пусть и неровным шагом похромал к провалу в стене. Раненая нога после неудачного падения опять разболелась, а трости, конечно же, под рукой не было.

...Там, в разрушенном кабинете, творился филиал Бездны. Не привычной, аномальной, а той, что из Книг.

Густо, до тошноты воняло кровью и гарью. Сквозь гул в ушах доносились стоны, всхлипы и чья-то обессиленная ругань.

У стены — там, где ещё недавно висел экран проектора, — Дима, серый от пыли, сосредоточенно перетягивал ремнём бедро одному из офицеров. Ниже колена нога у того была разбита в истекающую кровью кашу.

Местный фельдшер с добровольными помощниками перевязывали других раненых. Как только закончат — можно будет эвакуировать, скорая уже должна быть на подходе.

Закрутив сложенный хитрой петлёй ремень так, что кровь из культи перестал течь, Дима поднялся на ноги и, обернувшись, с молчаливым вопросом посмотрел на Стрельницкого.

— Вот ты где.

Гудение сердитых шмелей в голове стало громче, так что Сергей поневоле повысил голос.

— Тут... лишних рук нет, — лаконично отозвался Дима.

— Полезные навыки, — Сергей кивнул на раненого, к которому уже спешил фельдшер. — Вас всех так готовят?

Дима дёрнул плечом, вытирая руки о штаны. Следы крови и копоты вкупе с пылью превратили некогда зелёные брюки в невнятно-серый камуфляж — и Сергей концентрировался на таких мелочах, потому что от тяжёлых запахов мутило всё сильнее.

— Основы давали. И... А-араф опытом делился, ко... ко-огда вместе на базе жили.

Дима снова начал растягивать гласные — вернулось заикание. Да и потряхивало его довольно заметно.

— Я п-по... пойду. Им нужна ещё помощь.

— Иди.

Так и не спросив того, что намеревался, Сергей медленно развернулся и вышел, разглядывая следы взрыва под ногами.

...Бомба, как затем доложили обследовавшие место взрыва сапёры, была заложена в кадке с фикусом у самой двери — и рассчитана на то, чтобы гарантированно убить оказавшегося рядом человека.

Остальные жертвы, очевидно, считались «сопутствующими».

Офицерам ДРА повезло — большинство из них оказалось по другую сторону стола, дальше от взрыва, и никто не погиб, но серьёзных травм и контузий хватало.

Стрельницкого же спасло то, что он в этот момент уже не торчал на пороге, а вышел в коридор...

И Дима.

Не успей Дима среагировать — лежать сейчас Сергею в лучшем случае рядышком с остальными.

В худшем — в полиэтиленовом мешке.

— Думаешь, метили в тебя, Саныч?

Они стояли с Сергеичем на заднем, служебном крыльце. Курили — вернее, курил Сергеич. Самому Стрельницкому поплохело с первой же затяжки — повело, закрутило до черноты в глазах, — и пришлось стоять так, подпирая стену и наблюдая, как рассеиваются в воздухе пар дыхания и сигаретный дым.

В здании работали бойцы аж трёх подразделений — не считая военной полиции и медиков, — но Сергеич, в отличие от остальных начальников, прибыл лично.

Впрочем, уж кто-кто, а Сергеич славился тем, что изыскивал любые поводы не засиживаться в кабинете. Поговаривали, у него даже распоследний писарь обязан был отдуваться на учениях в полной штурмовой выкладке — просто чтоб никто не расслаблялся.

— Какая разница, вы же всё равно каждую версию проверите, Сергеич, даже самую неprovодо... тьфу, неправдоподобную.

— Это обязательно.

— Если б хотели просто повыбить тех, кто отвечает за развёртывание «Бастиона», бомбу заложили бы прямо у стола.

— А если бы хотели выбить именно тебя, она сработала бы раньше. До того, как ты вышел.

— Задержка сигнала на подрыв?..

Сергей Сергеич пожал плечами.

Залезть в голову неведомым агентам КОДы, к величайшему сожалению обоих, пока не было возможности. Но допросы (вернее, конечно же, «снятие показаний») уже шли вовсю — люди Сергеича оперативно отобрали «первую очередь» из числа офицеров ДРА, солдат охраны и обслуживающего персонала, а всех эвакуированных и отпущенных под подписку намеревались допросить в течение ближайших дней...

Но этого всё равно было мало. Слишком мало.

— Информации от агентов не было? Не про меня, вообще об атаке.

— Нет. Я бы сказал тебе, Саныч. Не молчал.

— Как в октябре «не молчал» про квартиру, да, Сергей Сергеич?

Сергеич отвечать не торопился (и это само по себе было достаточным ответом). Растёр окурок о перила и выкинул его в пепельницу мусорки. Помедлил, достал следующую сигарету.

Стрельницкий чуть сместился, чтоб опереться о перила. Дурнота то отступала, то снова накатывала мучительной волной. Стоять прямо требовало уже каких-то чрезмерных усилий, но показывать это Сергеичу он не собирался.

— Ты тогда собирался к себе на эту твою... усадьбу, — напомнил тот. — Останься бы ты в городе, тебя бы предупредили.

— Меня не нужно оберегать от лишних нервов, Сергеич, я не девица.

— Знаю.

Они ещё помолчали.

— Чудо, что ты вообще выжил, — голос Сергеича зазвучал неожиданно глухо. Или, может, то опять заложило уши. — Окажись ты хоть на пару шагов ближе...

— Знаю.

— Мы тут всё перероем.

— Не сомневаюсь...

— Ты что-то совсем бледен. Саныч? Эй, ты чего!

— Нормально, — неправдоподобно соврал Сергей, слепо пялясь в заволакивающую мир пелену.

И покачнулся, наваливаясь на перила.

Пришёл в себя он, уже сидя на оперативно притащенном стуле. Дурнота наконец-то отступила, наградив напоследок раздражающей слабостью и едким привкусом во рту.

— Езжай домой, Саныч, а? — обеспокоенно предлагал Сергеич, протягивая пластиковый стаканчик с водой. — К твоему Василию у нас вопросов нет.

— Ну да, — флегматично согласился Стрельницкий. Глотнул ледяной воды и окончательно перевёл себя в категорию живых. — Продайся он коде, меня бы грохнули куда раньше.

— Езжай, Сергей Саныч... Лучше бы, конечно, в больницу. Или хотя бы в квартиру, чтоб из ведомственной к тебе врач приехал.

— Чтоб под присмотром был, что ли?.. Да нет, я лучше домой. В смысле, за город. Нервы успокоить на свежем воздухе — свои и не только.

Осторожно встал, опёршись о спинку стула... и усилием воли заставил себя выпрямиться. Некогда ему расслабляться. Некогда.

— Пилота своего заберу — и поедem... Не делай удивлённое лицо, Сергеич, ты отлично знаешь, что я сегодня с ним. Он мне был нужен на совещании по октябрьскому инциденту.

— Давай его тебе кто-нибудь из моих потом доставит?

О, адреналин — лучшее лекарство.

— Та-ак. Сергеич?..

Не так уж и много людей во всём Андаре рискнули бы подобным тоном обращаться к тому, кого Стрельницкий фамильярно, в память о дружбе в училище, звал «Сергеичем» (да и даже там их дружба — курсанта и одного из помощников на кафедре — многих удивляла).

Но Стрельницкому старший товарищ лишь ответил сейчас взглядом «в упор не вижу проблем». Стрельницкий вздёрнул бровь, показывая, что тоже не видит.

Сергей Сергеич сдался первым.

— Ты же сам понимаешь, Саныч, он сейчас наш главный... свидетель.

— У тебя в качестве главного свидетеля есть я. И любые вопросы задавай мне.

— Экий ты нервный всё-таки, Сергей Саныч! Чего вскочил-то?

— Какие нервы... Просто у меня голова скоро на куски развалится. Вот ты сейчас надавишь, и она лопнет, как арбуз, веришь?

— Ты знаешь, что это звучит, как угроза? Или шантаж сотрудника госбезопасности.

— Это звучит, как истинная правда... ну и немножко давление на жалость, разумеется. Давай, Сергеич, отпускай нас своей властью. Обоих.

— ...Но ведь если у нас возникнут к нему дополнительные вопросы, я смогу их ему задать?

— Разумеется.

«Я сделаю вид, что верю твоему пилоту». — «Я сделаю вид, что не замечаю, как ты делаешь вид».

— Имя, звание, дата рождения?

— Лавров Дмитрий Романович. Двадцать третье, ноль второе, двенадцатого. Се... сержант СГБ.

— Настоящее звание.

— Так Шеф меня официально уже вписал, как я понимаю. Так что... сержант. СГБ. Третий специальный отдел.

— А в так называемой Коалиции Освободительных Движений?

— Ну-у, полагаю, уже никакого.

— С какой целью вы находились в здании Командования Сил ДРА сегодня, двадцать первого ноября, в десять часов двадцать пять минут?

— Принёс кофе Шефу... полковнику Стрельницкому.

— Правду!

— Это правда.

— Что вы знали о готовящемся теракте?

— Ничего.

— С какой целью вы вызвали полковника Стрельницкого из кабинета?

— К-кофе ему вручить.

— Откуда вы узнали о теракте?

— От бомбы. Ко... которая взорвалась.

Менялись формулировки, менялись лица допрашивающих.

Дима сидел и сжимал зубы, и старательно, размеренно дышал в перерывах между ответами.

Его мучило всё сильнее, то и дело возвращалось заикание. Болели бесконечные ушибы, корочкой стянуло ссадину на щеке. Колено правой, невезучей, ноги отекло и теперь не сгибалось.

Ну и вишенкой, конечно, на этом тортике выступали резкие, обессиливающие приливы жара регенерации... и Дара, раз за разом беспокойно тянущая на себя связь, так что хотелось рывкнуть на неё и максимально закрыться.

...запереться изнутри черепной коробки и не открывать. Ни-ко-му.

— Ваши контакты в так называемой Коалиции?

Новый «специалист». Похожий на умную крыску: хищные тёмные глазки, острый нос, чуть оттопыренные уши, высокие залысины, которые стрижка в три миллиметра только подчёркивала. Серая штабная форма (рубашка, брюки, галстук) довершала образ.

...захоти Стрельницкий, Дима тоже был бы обязан носить такую.

Хотя при взрыве пилотская куртка его определённо уберегла хотя бы от осколков.

— Ко... контактов н-не поддерживаю.

— От кого узнали про готовящийся теракт?

— Ви-идение мне, блин, было!

Бездна, вот стоило бы вместо ответа молча подышать. Он устал и начал срываться.

— О, — нехорошо оживился допрашивающий. — В какой момент? При каких обстоятельствах?

— ...шутка. Понимаете, что это такое? Юмор. М-метафора.

— Я-то понимаю. А вот вы, Дмитрий Романович, — безопасник навис над ним, оперевшись о разделяющий их стол, — очевидно, ещё не поняли всей глубины вашего положения.

— Это метафора?

— Это реальность! В которой вам, Дмитрий Романович, один шаг до ареста.

— О, так я ещё не. Эт-то радует.

Он понятия не имел, зачем провоцирует, но своего добился: «крыс» резко обогнул стол и вздёрнул Диму за шиворот.

...ну, попытался вздёрнуть.

В принципе, Дима был даже почти не виноват. Колено само подогнулось, обжигая болью, — оставалось только прихватить безопасника за плечо и повернуться, отправляя противника головой куда-то в стол.

Безопасник растерялся на долю секунды — даже если он и тренировался, ему не хватило реакции против драконьего пилота, привыкшего действовать на иных скоростях.

Стол с грохотом проехал по полу, а Дима в последний момент вывернулся и отскочил.

Распахнулась дверь — на пороге возник бледный Стрельницкий, за спиной которого, напрасно пытаюсь протиснуться внутрь, маячили два здоровенных бойца.

— Что. Здесь. Происходит.

Воздух в помещении определённо похолодел на пару градусов.

«Крыс» шипел, зажимая рукой подбитый глаз.

Дима неловко повёл плечами.

...он не планировал, честное слово.

— Меня, это... допрашивали, сэр. Но, кажется, закончили.

— Лавров, на выход, — процедил Стрельницкий, и по тону было ясно, что он готов убивать всех присутствующих.

...и начнёт со своего пилота.

— Есть, — буркнул Дима и, обойдя «крыса» по широкой, неровной дуге, вышел.

Стрельницкий посторонился, провожая непечатным взглядом без капли иронии.

Один из бойцов, воспользовавшись моментом, протиснулся в кабинет помочь начальнику. Второй хмуро следил за Димой — и Дима очень старался не оборачиваться.

— К заднему крыльцу, — велел Стрельницкий ледяным тоном. — Василий заехал через служебный двор.

Дима молча повернул, только через десяток шагов заметив, что полковник отстал.

Обернулся, поджидая.

В холле, через который они проходили, сидели помятые офицеры ДРА из тех, кто угодил в первую очередь допросов. Знакомый майор — Арсланов — мелкими глотками пил воду из стоящего тут кулера, и лицо у него было серым, в тон седине, а в глазах, когда он встретился взглядом с Димой, вспыхнула злая досада.

...что, и этот, по примеру безопасников, решил повесить на него всех тварей? Типа, кодла бывшей не бывает?

— Ещё бы минута, ну две — и мне крышка, — донеслось до Димы. — А я ведь мог там остаться! Я ж привёл этого...

— Да ты счастливчик, майор, — нервно хохотнул кто-то. — Что из-под Фороссы живым выбрался, что сейчас со смертью разминулся!

— О да, — мрачно отозвался Арсланов, отворачиваясь. — Счастливее некуда.

Хромающий Стрельницкий наконец нагнал, и Дима пристроился у него за плечом.

— Нет уж, ты вперёд, — потребовал полковник хмуро. — Чтоб я тебя видел. А то стоит отвернуться...

— Понял, — вздохнул Дима.

Ему самому ковылялось на самом деле не очень, но к концу коридора колено более-менее расходилось, да и дурнота вроде отступила.

Они вышли во двор, обогнув лысоватого мужика в пыльно-сером пиджаке. Мужик делал вид, что курит, но сигарета в пальцах от первого же движения осыпалась столбиком пепла.

Дима вспомнил, что они уже встречались — в Управлении СГБ, перед командировкой в горы Илариона. И потом на вечере Шатского Стрельницкий общался...

Его товарищ, «Сергей Сергеич», в звании точно выше полковника.

...то есть как минимум целый генерал-майор СГБ лично сюда пожаловал.

— Сэр, взрывотехники закончили, — раздалось позади. — Нашли кое-что. Посмотрите?

— Иду, — отозвался «Сергеич».

Но так и не двинулся с места, пока Дима с тихими матюками усаживался в машину, пытаясь пристроить ногу так, чтоб колено не болело. У Стрельницкого были в целом те же проблемы, но Василий ему предусмотрительно отодвинул кресло как можно дальше, так что Диме пришлось занять место за водительским.

Наконец все уселись, Стрельницкий взмахом руки попрощался, и машина выехала в распахнувшиеся ворота.

...Пока Василий выруливал переулками на проспект, все молчали — даже музыка не играла. Только когда машина встроилась в поток и прибавила газу, Стрельницкий с едва слышным стоном откинулся на спинку кресла, массируя пальцами виски, и спросил в воздух:

— Что это было, Лавров?

— Допрос, — буркнул Дима неловко. — Он первый ко мне полез.

— Тебе официально что-то предъявили?

— Угрожали предъявить... так что, видимо, ещё нет.

— Что ты им рассказал?

— Допрос продолжается? — хмыкнул Дима.

— Лавров!

Смесь ярости и муки в голосе Стрельницкого заставила вздрогнуть — и сбавить тон.

— Простите... Сказал, что кофе вам принёс.

— А про то, откуда ты узнал о... покушении?

— Нет.

— А вот мне было бы очень интересно послушать.

Дима с грустью прижался ободранной щекой к холодному стеклу окна, за которым проносилась безмятежная и такая чужая для него столичная жизнь. Жар регенерации никак не унимался, и хотелось просто лечь и закрыть глаза...

Дара уже не дёргала нить их связи — молчала тревожно, обиженно, и ясно было, что стоит к ней потянуться, как вывалит сразу всё.

Дима к этому «всему» готов не был. Дара знает, что он жив, и ладно.

— Да что рассказывать... в здании штаба был только один человек, которому в КОДе подписали однозначный смертный приговор.

— Два.

— Ну, когда я зашёл, стало два, да. Но кто я, а кто вы...

— Вечером придет Анка. Выложишь ей всё, что заметил, понял?... Лавров?

Желание запереться изнутри черепной коробки и проигнорировать внешний мир стало нестерпимым.

— Дим! У меня сейчас нет сил тебя расспрашивать.

...допрашивать.

— А информация... — Стрельницкий помедлил, массируя теперь переносицу, — нужна позарез. Если хотели убить меня — это одно, а если...

— Я куртку в штабе забыл, — невпопад отозвался Дима. Впервые во взрослой жизни его укачивало в машине. — Кинул где-то в том кабинете.

— С тем твоим шевроном в кармане?

— Да.

Сергей Александрович шумно вздохнул.

— Молодец, что могу сказать. Сергеич будет счастлив её обнаружить... Да уже нашёл, я думаю.

Спохватившись, Дима сунул руку в карман — и пока искал Китину монетку, адреналин успел прострелить от затылка до пят, аж тошнота отступила.

...нашёл.

От облегчения голова реально закружилась.

— Ну вы же договоритесь, чтоб её вернули?..

— А ты ведь пообщаешься с Анкой? — в тон ему отозвался Стрельницкий.

Дима промычал что-то невнятное, не желая вслух произносить «да».

— Лавров.

— Да куда я от неё денусь.

...Анка вечером приехать не смогла. Прислала робеющего от обстановки и трёхметровых потолков Зайца, и Дима тихонько выдохнул: тут у него хоть какие-то шансы были — и не то чтобы он мучился совестью от необходимости врать и недоговаривать.

Стрельницкий при разговоре тоже, к его облегчению, не присутствовал. Полковник даже не пообедал — сразу под скорбно-осуждающим взглядом Тамары Георгиевны поднялся к себе... Судя по белому в синеву лицу — не работать, а просто отлёживаться.

Так что Дима общался с младшим аналитиком наедине.

...не считая, разумеется, диктофона.

Они забрали у Тамары Георгиевны здоровенный чайник с чаем и засели в библиотеке. Дара, которой Дима первым делом себя предъявил (жив, здоров, почти что цел), тоже хотела послушать, но была мягко послана с клятвенным обещанием рассказать ей потом всё отдельно.

Дима не был готов к её вопросам, о чём он так старательно Зайцу будет умалчивать.

...он в принципе не был готов к вопросам о Ките.

Странно. Во всех его взаимоотношениях с людьми на первом месте для него всегда само собой оказывалось Дарино мнение. Дарины желания. Как только приходилось выбирать, например, между Дарой и какими-нибудь очередными отношениями — Дима, в принципе, и не выбирал. Девушек на свете много, Дара у него одна!

А тут, вот, даже с ней не готов обсуждать...

Ну, наверное, потому что ни одна из девушек не хотела его убить.

...не считая Мирры. Но Мирра в принципе не считается.

— А мо... мо-ожешь по шагам расписать, чем занимался? — предложил Заяц, копаясь в распечатках. Русые волосы на затылке топорщились забавным кудрявым хохолком. — Вот с приезда на площадь.

Дима осторожно разлил чай по кружкам и остановился напротив.

— Шеф посадил у кафешки. Где-то... полдесятого, наверное? Да, он говорил, у меня полтора часа до одиннадцати, точно. Я пошёл, взял кофе...

— Где именно?

— Где что-то там про сто грошей.

Заяц развернул на планшете карту и скрупулёзно обследовал площадь, пока не нашёл с Диминой помощью нужную точку. Отметил. Невнятно угукнул, чтоб Дима продолжал.

Взяв кружку, Дима осторожно опустился в чрезвычайно мягкое кожаное кресло — и зажмурился, едва не застонав. Несмотря на боль ушибов, удовольствие было настолько острым, что аж в глазах темнело.

— Ну... — он с трудом сосредоточился на воспоминаниях, — а потом, собственно, там и сидел.

— Другие посетители были?

— Да, заходили.

— А постоянно кто-то сидел?

— Да нет...

Кита же пришла после него и ушла раньше. Так что — не считается.

— Надо будет запись с камеры запросить.

Дима мысленно ругнулся, чуть не разлив чай, и поспешно отставил кружку на стол. Если на камеру попала их с Китой беседа...

Это всё меняло. Все планы на «легенду».

Заяц поднял глаза от бумаг. Мелкий — не выше Димы и чуть ли не вдвое уже в плечах, — взъерошенный, в клетчатой рубашке поверх чёрной футболки с логотипом штальцкой рок-группы... он внезапно посмотрел таким острым взглядом, что Дима понял: лёгкой беседы не будет. Заяца Анка не за красивые глазки среди аналитиков держит и не из жалости.

Замутило, снова тяжёлой, жаркой волной накатил отзвук регенерации — травмированное колено аж свело.

— П-печёт? — словно прочитав его ощущения, спросил Заяц.

— Угу.

— Т-та... таблетку спазмолитика, полтаблетки жаропонижающего — из тех, что с кофеином. И м-минералки побольше... Что?

Дима слышал этот рецепт.

Не в точности этот, конечно, но про минералку и какие-то таблетки точно.

Сто лет назад, то ли от Яна, то ли от самого Рубина... Но напрочь забыл, потому что из любой заварушки обычно выходил достаточно целым, чтоб жар регенерации оставался... ну, терпимым.

— Где ты был раньше? — простонал Дима. — В горах бы пригодилось, а Араф что-то был не в курсе...

— В-во... во-первых, — обстоятельно заметил аналитик, снова заметно заикаясь, хотя в начале-то говорил почти нормально, — т-там ты не спрашивал. А во-о... вторых, — он сделал глубокий вдох, прикусив губу, — А-араф за такое самолечение го... г-голову открутит. Так что ему лучше н-не говори.

— А т-ты откуда знаешь?

Заикание оказалось заразным, и Дима чуть не рассмеялся: встретились, понимаешь, два заики.

— Ты н-не единственный пи... — Заяц коротко выдохнул, борясь с заиканием, — пи-илот, попавший к Шефу.

— Что?!

— Просто те... тебе п-п-повезло с драконом.

— В смысле «повезло»?

Заяц отвернулся и, помедлив, сообщил не Диме — книжным шкафом:

— ...О-она у те... тебя жива.

В наступившей тишине настенные часы оглушительно громко всхрипнули и пробили пять вечера.

Словно очнувшись, Заяц взъерошил и без того лохматые волосы, снова закопался в бумаги и спросил, так и не дав задать вертящийся на языке вопрос:

— Т-ты с кем-то общался в кафе?

Первой реакцией было трусливое «Это важно?» — но Дима представил, как переслушивающая запись беседы Анка в этот момент заинтересованно щурится... и заставил себя промолчать.

Но молчание тоже было опасным.

— Да. — Он всухую сглотнул и торопливо отпил из кружки. — Пытался... развести девчонку на свидание.

Заяц отложил планшет и, растерянно моргая, уставился на него.

— Эй, я что, не похож на того, по кому девки сохнут? — даже оскорбился Дима.

— Нет, — подумав, вынес вердикт Заяц. — Правда, их поведение часто б-бывает весьма... нелогично.

— Это точно.

— И как... Получилось?

В голосе слышался искренний интерес.

Дима вспомнил лицо Киты, её словно бы сочувственное «дурак»... Нет, ну в какой-то степени это определённо был успех: его на сей раз не только не убили, но даже и не пытались.

Но есть одно «но».

— Ну, с учётом того, что контактов она мне не оставила, очевидно, не особо. Только если случайно где ещё столкнёмся.

— Хм-м... — неопределённо протянул Заяц, прищурившись. — Лицо у тебя вдохновлённое. Ладно. Итак, в-вспроизведи последующую цепочку событий с учётом твоей... мотивации.

Вопросы становились всё опаснее, но Дима сменил тему даже с каким-то облегчением — и не чувствуя ни малейших угрызений совести перед несуществующим боевиком КОДы, на которого планировал повесить всех тварей.

Очевидные умолчания в его рассказе Анку как раз не удивят. Он всегда умалчивал, когда разговор доходил до его бывших... соратников. Просто о Ките он собирался молчать намертво — вот и вся разница.

Умолчание, чтоб скрыть умолчание... Стало тошно от того, насколько привычным для него оказалось строить такое.

...вполне физически тошно.

Заяц ничего не заметил — а если и заметил, то оставил выводы при себе. Они по шагам прошли события всего дня вплоть до поездки домой, и к концу Дима уже говорил с трудом, не помогала даже неизвестно какая по счёту кружка чая.

Её и до рта донести уже было сложно — вернулся тремор, а при попытке встать из кресла тело взорвалось болью, и Диму повело, так что пришлось замереть, вцепившись в стол, пережидая, — а Дара у себя в эллинге беспокойно вскочила, поскуливая и не зная, чем помочь.

Вдох, пять счётов, выдох.

«Ты очень поможешь, маленькая, если сейчас ляжешь и успокоишься».

— Провожать н-не буду... ладно?

— Конечно, — невозмутимо кивнул Заяц. — Если что-то ещё решишь сообщить — расскажи Шефу... и-или мне.

— Я всё рассказал.

Заяц сделал вид, что поверил.

Интермедия

Шеф Аджи выглядит... выцветшим. Как старая фотография.

Мирра уверяет себя, что всё дело в освещении, в белых лампах медицинского крыла.

— Как вы себя чувствуете? — неловко спрашивает она, вглядываясь в знакомое лицо.

Пожилой разведчик улыбается краем рта:

— Всё так худо, да? Совсем с виду помираю?

Мирра торопливо сглатывает предательский комок и мотает головой:

— Просто выглядите очень устало.

— Но-но, командующий Ярская, что за жалобный взгляд, — грозит узловатым пальцем Аджи. — Я предпочитаю, чтоб красивые девушки смотрели на меня с восторгом, а не как на развалину, в сторону которой даже дышать боязно.

И с коротким, усталым смешком откидывается на приподнятое изголовье койки. Поправляет трубку нозовой канюли с кислородом.

Эти трое суток с его сердечного приступа многие в КОДе провели в тревоге. В медкрыле были опытные хирурги-травматологи, был поцелованный самим Небом в лысую макушку старый реаниматолог Даро Войкович — с золотыми руками и талантом вытаскивать с того света тех, кто, казалось, уже не жилец... но о полноценном кардиологическом отделении речи не шло.

Как и о том, чтоб эвакуировать человека с острым инфарктом в Вирсавию — вертолёт не поднять из-за активизировавшихся андарских патрулей, а перегрузки драконьего полёта просто убьют пассажира.

«Я бы пробился и без высшего эшелона, — в который раз напоминает Арх мысленно. — Подумаешь, парочка тормознутых драконов ДРА. Тем более новеньких здесь».

«Мы бы так и сделали, — привычно отзывается Мирра, — если б его состояние не стабилизировали. Тогда это стоило бы любого риска, ты знаешь, что тут я с тобой согласна».

— Так и будешь молчать и сочувственно хлопать глазами? — ворчит Аджи, вырывая из раздумий. — Рассказывай, развлекай старика.

— Что рассказывать? — на секунду теряется Мирра.

— Про твою поездку в Анду, разумеется. Оно того стоило? Ты получила, что хотела?

Вопрос звучит так, словно Аджи подразумевает нечто куда глубже, чем просто операцию по изъятию важных документов под прикрытием.

— Да, документы Ронина сразу пошли в разработку, как только смогли взломать шифрование. Белый дал карт-бланш на... на любые действия. Если «Бастион» будет запущен... — Мирра осекается, сообразив, что рассказывает всё это *шефу полевой разведки*. — Подождите, разве Медей вам не докладывал?

— Никогда не складывай все яйца в одну корзину, — наставительно напоминает Аджи. — Я хочу услышать тебя, а не Медея... И не про «Бастион». Ты ведь не ради документов туда рванула. Ты-то получила, что хотела?

От его пронизательного прищуря Мирре становится разом тревожно и спокойно — Аджи не растерял сноровки.

И обязательно, обязательно поправится.

— Да, — признаёт Мирра. — И нет... Не знаю. — Она переводит взгляд на трубку капельницы, по которой ползут к запястью Аджи капли лекарства. — Я видела Лавра, я говорила с ним, и он... Я думала, если мы поговорим, то я пойму, что с ним произошло. А в итоге стала понимать ещё меньше.

Они молчат несколько секунд, и Мирра вслушивается в слабое, неровное дыхание пожилого разведчика. Внутри поднимается привычная досада на себя: ну зачем она вываливает

свои переживания на больного человека, которому всего лишь не повезло попасть вопросом по самому больному месту?!

«Потому что он сам спросил, — рассудительно замечает Арх, внимательно слушающий их разговор, и от его поддержки становится легче. — И настаивал на твоём честном ответе».

— Он действительно нас предал? — в тихом голосе Аджи звучит не гнев, не раздражение — сочувствие.

Словно бы он Миррин дедушка, к которому она пришла поплакаться на несправедливость этой жизни.

...Родной дед умер, когда ей было шесть, а бабушка не могла тянуть непоседливого ребёнка — и Мирру у неё забрали и загнали в детдом, откуда она сбежала, как только получила в четырнадцать первые документы... и перспективу вместо дальнейшей учёбы отправиться в детскую колонию за очередные кражу-драку-разборки, на которые она регулярно подбивала пацанов.

К бабушке Мирра вернуться не могла — там бы её искали первым делом... Но, на её счастье, первая же попытка стащить кошелек у выходящего из бара неповоротливого дядьки провалилась. Откуда ей было знать, что у драконьих пилотов, даже на выходе из бара, реакция куда быстрее, чем у голодной, невыспавшейся, злой девчонки?

Дядька оказался Рубином, и эта встреча изменила Миррину судьбу.

— А? — Мирра заставляет себя вернуться в реальность. К Аджи и его вопросу. — Лавр... Его заставили. Его совершенно точно заставили — он до сих пор носит чип, которым ему могут опять заблокировать связь с Дарой. Но его это... — она сглатывает, снова и снова вспоминая отстранённый, чужой взгляд на знакомом лице, — как будто не волнует. Он щеголяет в пиджаке, который с пяти шагов не отличить от мундира, и вот так запросто общается с генералом ДРА. Он... ему было неприятно со мной общаться. Настолько, что он открыто угрожал сообщить обо мне Волку.

— Но не сообщил?

Подавив мимолётную дрожь, Мирра признаёт:

— Видимо, нет... Потому что тогда бы пришли за Никсом.

Чего Мирра никогда бы себе не простила.

Только не Никс — понимающий, отзывчивый и рискнувший ради неё репутацией дома Одейра.

— Аджи... Как вы ушли из СГБ? — спрашивает Мирра, внезапно решившись.

— Хочешь знать, есть ли у твоего бывшего... друга шанс? — Пожилой разведчик усмехается, но усмешка эта отдаёт горечью. — Но этот путь я не посоветую никому. Когда осознаешь, сколько ужасных вещей сотворили твоими руками во имя высшего блага, ты либо уничтожаешь в себе остатки человечности и следуешь дальше по этому выбранному даже не тобой пути, либо бежишь в попытке не исправить уже, но хотя бы искупить и защитить то, что ещё осталось.

Да, это определённо не тот путь, по которому Мирра бы хотела, чтобы прошёл Лавр.

Но правда в том, что он уже на нём: арест Сорко, гибель агентов, охота за Маликом, в которой Волк с активной помощью Лавра опередил КОДу буквально на полдня... Дара на пороге бездны, вынужденная ввязаться в бой, от которого её когда-то пытался избавить Рубин.

Нет, Мирре и самой пришлось призвать драконов Корпуса на борьбу с тварями бездны, но одно дело защищать невинных людей, а другое — по собственной воли примкнуть к ДРА, закрыв глаза на то, что они творят со своими драконами.

...Мирра несколько секунд бездумно смотрит на скачущую линию кардиографа у постели Аджи — слишком неровную, сбивающуюся с ритма, чтобы это успокаивало.

— Простите. Наверное, мне просто хотелось кому-то выговориться, я не хотела заставлять вас... вспоминать всё это.

— А я не забываю, — тихо отвечает Аджи и осторожно касается свободной от катетера рукой её ладони. — Никогда. Не переживай, я, видишь ли, сам тебя расспрашиваю... Хочу понять, как нынче меняется шахматная доска нашей с СГБ партии.

Его пальцы горячие и сухие, шершавые, как пергамент, и прикосновение успокаивает, на мгновенье возвращая в детство, к родному деду.

Мирра сжимает его ладонь в ответ, сглатывая подкативший к горлу комок.

— Мы в любом случае справимся, — обещает она. — КОДА столько лет борется, что даже этот дурацкий «Бастион» нам не помешает. Тем более, что Ронин сам вызвался нам помочь... любыми средствами.

— Ещё один человек, который пытается искупить свою вину, — вздыхает Аджи с очень сложной интонацией. — Ему бы залечь на дно, пока не заигрался...

— Мы его вытащим в случае чего.

— Так же, как вытащили Лавра?

— Но мы правда пытались! — защищается Мирра. — До последнего, даже когда пропала Дара, и Хельга предположила, что Лавр призвал её по связи... которую не вернули бы ему, если б он не сговорился с СГБ, с этим Волком.

Мрачные пророчества Хельги сбылись — операция по спасению обернулась провалом: два агента погибли, а Лавр с Дарой отправились прямиком к своему новому... хозяину.

Но про Хельгу Мирра совсем не хочет думать. Не до неё.

— А там, на вечере, ты его видела? — вдруг меняет тему Аджи. — Волка.

— Долговязый блондин с пафосной тростью, — морщится Мирра. — Надменный, как верблюд. И если бы я понимала, что Дима в нём нашёл!

— Он умелый игрок, — с неожиданным уважением произносит разведчик. Так, как мог бы сказать не о противнике, а о том же Медее, своём заместителе. — Правда, вживую я видел его ещё только мальчишкой, курсантом, когда довелось побывать в гостях у его деда. Когда он пришёл в СГБ, меня уже там... не было.

Да, Мирра читала в документах Информационной службы: после училища Волк начинал младшим офицером здесь, в горах, на базе МАГА (в будущем «Доме-один!»), а в СГБ пришёл только после Фороссы.

И это реально было очень, очень странно: осознавать, что там, где сейчас ходишь ты, когда-то шагал этот надменный верблюд.

Враг твоих драконов. Твой враг.

— Не упускай его из вида, — советует Аджи чуть слышно, с заметным усилием преодолевающая накопившуюся слабость. — Он может в одночасье поменять всю расстановку фигур... Он уже это пару раз проделывал.

— Ага, и теперь с «Бастионом» проделает ещё раз, — мрачно кивает Мирра. — Если, конечно, Ронин не... Аджи! Вам плохо?

Старик дышит мелко и часто, и так же скачет тревожно-ломкая кардиограмма на мониторе, а в коридоре уже слышен зычный голос Даро Войковича.

— Тяжело что-то, — слабо улыбается Аджи. — Иди, иди, сейчас тут... будет шумно. Заходи... ещё.

Реаниматолог, устрашающе сверкая своей лысиной, уже влетает в палату. Халат развеивается за его плечами на манер рыцарского плаща.

— Командующая, не мешайтесь под ногами, — рывкает он свирепо, но не зло — просто *по праву*. Здесь командует он (здесь его поле боя).

Мирра послушно отступает к дверям, задыхаясь от бессилия, от понимания, что ничем сейчас помочь не может...

«Но мы — можем».

— Даро Войкович!.. — поспешно окликает Мирра. — Может, всё-таки нам с Архом вывезти его в Вирсавию? Без перегрузок! Нас там примут, они нам обязаны и...

— Никакой... Вирсавии, — вдруг произносит Аджи, чётко и категорично, несмотря на слабость. — Там... мне не рады. Не надо.

— Разговорчики, — с той же свирепостью, что и Мирре, но на два тона ниже рявкает ему Даро Войкович. — Лежите и не мешайте вас спасать.

В палату заглядывает запыхавшийся помощник Даро Войковича, и Мирра выходит, понимая, что дальше будет только путаться под ногами.

...На выходе из медицинского крыла она тормозит, заметив Медея — тот занят разговором с генералом Глинке.

— Вам не стоит сейчас его беспокоить, — мягко объясняет генералу зам Аджи. — Он очень слаб, быстро устаёт и плохо соображает. Я ему сам обязательно доложу, когда... когда шеф будет в силах. О, Мирра, ты от него?

Мирра торопливо кивает и рефлекторно оглядывается, хотя отсюда увидеть, что происходит в палате у Аджи, нет никакой возможности.

— Там сейчас Даро Войкович, — поясняет она.

— Ты не смогла с ним поговорить? — быстро спрашивает Медей, вскидывая тонко очерченные брови.

Выглядит он без привычной (безупречной) аккуратности — рубашка цвета хаки помялась, под глазами синяки, вокруг «мушкетёрской» бородки проступила щетина.

Эти трое суток ему явно дались нелегко.

— С Даро Войковичем?

— С моим шефом... — И тут же снова оборачивается к Глинке: — Видите, господин генерал, даже Мирра не смогла пообщаться, ну куда вам к нему сейчас с рабочими вопросами.

Мирра хочет возразить, что шеф Аджи вполне в состоянии общаться, а соображает так и вовсе лучше многих...

Но ведь ему действительно стало плохо прямо во время разговора.

И ничего удивительного, что Медей, столь заметно переживая за своего шефа, хочет оградить его от такого собеседника, как Глинке... И Мирра кивает, подтверждая его слова (успокаивая совесть тем, что сейчас-то Аджи точно никого не в состоянии принять).

— Ну хорошо, — недовольно тянет генерал Глинке. — Тогда ты — пойдём с тобой обсудим результаты этого... Ронина. Мне пришла первая информация.

Медей бросает Мирре извиняющийся взгляд и кивает, изображая вежливую улыбку:

— Конечно, господин генерал. Я ведь его зам, это моя обязанность. — Но отойдя на пару шагов, оборачивается: — Мирра! Зайдешь ко мне попозже? С меня ужин и никаких рабочих вопросов. Просто поделишься опытом, каково это: принимать дела резко... ушедшего на покой предшественника.

Мирре от этой параллели с мёртвым Эдом становится не по себе.

...но Медей же просто сгущает краски, верно?

Перестраховывается.

Глава 6. Сигнал из прошлого

— Невозможно подчинить аномальную энергию, — разглагольствует Док, дирижируя себе тлеющей сигаретой. — Если ты, конечно, не дракон, но у них эта способность намеренно ограничена. Огнedyхание, полёт высшим эшелонem, ментальная связь с пилотом — вот, собственно, и всё, что им оставили.

— А они могут больше? — живо интересуется Дима.

Они сидят в полутёмном новогорском баре — сегодня здесь никого нет.

Дима пытается вспомнить, почему ему это кажется странным, но слова Дока его отвлекают:

— Могли бы, если судить чисто биологически. Даже драконы Корпуса в ментальном плане могут больше — они поддерживают связь не только с партнёром, но и друг с другом.

— И принимают решения сами.

— Увы! — в голосе Дока прорезывается знакомый сарказм.

— А ещё что? — жадно спрашивает Дима. — А Дара? Мы же её вытащили ещё до армии! До принудительной синхронизации!

— Дара, да. И Марис. Они по природе своей ближе к тварям... Дара, вон, выступила в роли ётуна. Преобразовала аномальный энергетический фон, чтоб на несколько секунд синхронизировать биоритмы всех тварей с собственным разумом.

Фраза звучит бессмысленным набором слов, и Дима моргает от странного диссонанса: Док никогда не рассуждал о тварях. И он не может знать про ётуна и Дару и про имя, выбранное повзрослевшим Маликом, ведь он уже два года как...

Док поворачивается к нему и рукавом белого халата устало стирает с лица брызги крови.

— А вот людям такого не светит. Даже пилотам, пусть вы и более восприимчивы к аномальной энергии.

— Мы, типа, что... мутанты? Недочеловеки?

— Или сверхчеловеки. А что, умник, нравится, как звучит, а?

Нет, Диме не нравится.

— Вы — недоисследованная причуда эволюции... В любом случае прямое применение аномальной энергии невозможно. Мы можем точно воздействовать на ихор, как это происходит в энергетическом контуре экзоскелета. Мы даже можем сами его получить, пусть синтетик не так энергоёмок... Кстати, знаешь, чем Белый купил нам Вирсавию? Производство синтетика для Стены стоит денег, а в КОДе масса драконов. Догоняешь мысль?

Дима оглядывается и видит в дальнем углу помещения обессиленно раскинувшегося дракона, чёрно-белого легковеса, из-под лапы которого тянется светящаяся голубыми искрами трубка. Жидкость по ней льётся в канистру со знаком в виде треугольника с вписанной буквой Т и двух волнистых линий поперёк него.

— Н-надо предупредить Мирру, — с трудом преодолевая оцепенение, произносит Дима.

Чёрно-белый легковес — не Рэм. На лапе виден кусок разбитого экзоскелета.

Это...

— О, командующий Драконьим корпусом в деле. А меня, вот, решили по-тихому убрать. Бедный Док, никому-то его разработки не нужны. А ведь я, как ты помнишь, только-только добился стабильного энергетического отклика синтетика нового поколения. Любые власти оторвали бы методику с руками... и головой, конечно. В первую очередь с головой.

Столик, за которым они сидят, тоже забрызган кровью. Дима встаёт, чувствуя, как хрустит под ногами высохшая драконья скорлупа.

— Но увы, — ухмыляется заляпанный тёмно-красными потёками Док, — им придётся встать в очередь за Зирой.

Дима тянется по связи к Даре — и не чувствует её.

Вместо неё он слышит давящую песню бездны.

— Это сон, — произносит он, захлёбываясь не-своим страхом. — Это сон.

С усилием открывает глаза, словно выныривая...

— Представь, — хрипло говорит Док, и глаза его слепые, красные от лопнувших сосудов, как это бывает, если переборщишь с накалом связи, — какие бы перспективы развернулись перед человечеством, научись мы работать с ихорной обратной связью напрямую, без драконов. Протезы, которые человек чувствует, как собственное тело! Управление приборами силой мысли!

Док сидит в изножье его кровати, и Дима тоже садится, свесив ноги.

На левой красуется чёрный арестантский браслет.

— Это сон, — повторяет Дима, отчаянно пытаясь услышать хоть отзвук, хоть тень Дариных чувств.

Чип разогрелся так, что обжигает шею — и вкручивает в затылок раскалённый гвоздь. «Дара!»

...От боли в чипе Дима действительно проснулся.

В ответ на малейшее движение заныла спина, одеяло обнаружилось где-то в ногах, сбитое в ком, — под ним слишком жарко.

Дока рядом, конечно же, нет. Ни живого, ни мёртвого.

Дима кое-как сел и, напарив на тумбочке кружку, большими глотками стал пить, пытаясь прогнать мутные обрывки сна — и реальных воспоминаний об импровизированных лекциях Дока, которые Дима порой понимал едва ли через слово.

...но жадно слушал.

«Дара?» — безмолвно позвал он.

Дара беспокойно дёрнулась — и проснулась тоже.

...ей тоже снились кошмары. Те, о которых она отказывалась говорить наяву.

Вздыхнув, Дима натянул домашние штаны, флиску и на цыпочках, придерживаясь за стену, спустился на первый этаж. Нашарил на вешалке серую форменную куртку, подхватил берцы. Обуваться не стал — всё так же в одних носках прокрался через гостиную к выходу в сад.

Дверь на ночь запиралась, но замок, по счастью, ключа не требовал.

Щелчок в сонной тишине прозвучал резко и громко, словно выстрел, и Дима замер, прислушиваясь... Но никто не спросил грозно, что происходит, и, выждав секунд двадцать, Дима медленно открыл дверь и вышел на крыльцо. Обулся, вздрагивая от холода, торопливо застегнул куртку, спустился в сад...

Но далеко уйти не успел.

— Кто? — резко окликнули его, и в глаза, привыкшие уже к темноте, ударил свет фонарика.

Дима зажмурился, прикрываясь рукой — и вторую тоже поднял, демонстрируя пустые ладони.

— Это я.

Луч фонаря упёрся в землю, но перед глазами осталось плавать слепое жёлто-зелёное пятно. Дима опустил руки.

— Я, — недовольно передразнил охранник, подходя, и что-то тихо бросил рацию. — По форме докладывать не учили, Лавров?..

— Учили.

— И?

— Из этого учебного заведения я свалил, — честно признался Дима.

Охранник хохотнул.

— Ну и куда ты сейчас поёрся-то? У нас сигналка сработала, что кто-то дверь открыл.

— К Даре.

Как будто тут варианты были вообще.

— Предупредить не судьба? Спасибо, конечно, что решил разнообразить наше ночное дежурство... но я бы предпочёл с обхода прямиком в тепло вернуться, а не с тобой тут шараться.

— В следующий раз так и сделаю.

Изо рта на каждом слове вырывалось облачко пара, ясно видимое в свете фонаря. Поднималось к тёмному, сыплющему ледяной крупой небу — и таяло.

— Ну пойдём, провожу.

— Чтоб не сбежал?

— Чтоб ноги впотьмах не переломал, Шефу не понравится.

— Я нормально в темноте вижу.

— А я всё равно уже припёрся. Толай, Лавров.

Ледяная взвесь, искрясь в луче фонаря, покалывала лицо. Земля под ногами мёрзло хрустела, и помимо воли вспоминалось, как точно так же хрустела она в горах. В той долине, где они приняли бой.

На подходе к эллингу Диму уже ощутимо колотил озноб.

— Эй, ты в порядке вообще? — окликнул незванный провожатый.

— Н-не особо, — неожиданно признался Дима.

— Может, это... с нами в дежурке посидишь, раз не спится? Чай, кофе, тупые сериалы, ещё более тупые анекдоты, вид на территорию усадьбы с десятка камер.

— И я под надзором, да?

— Не без этого. Ну и... все уже в курсе, что вчера было. Иногда от такого только тупой компанией типа нашей и отвлечёшься.

Дима качнул головой, открывая прорезанную в воротах эллинга калитку.

— Спасибо... Но у меня для этого есть Дара.

Рация у охранника пискнула.

— Спокуха, это Лавров открыл, приём, — бросил в неё охранник.

— Принято, — чуть слышно отозвались ему.

— Ну, спокойной ночи, — неловко пожелал Дима, шагая в темноту эллинга.

Дверь за его спиной лязгнула, закрываясь, и охранник опять доложил что-то по рации, но Дима уже не слушал.

У ворот было холодно, как на улице, но чем ближе он подходил к Даре, тем жарче ему становилось — от её дыхания, от жара собственной регенерации.

Не зажигая свет, кроме тусклой лампочки над дверью, Дима бросил на верстак у стены куртку, нашарил среди ящиков полупустую уже пачку сигарет из нычки Дока... и, обернувшись, уставился в распахнутые, опалесцирующие глаза.

Утонул в них.

— Привет.

— Приве-ст, — тихо-тихо прогудела Дара.

В её взгляде в равных пропорциях мешались укоризна, обида и радость.

— Да, знаю, я мог ещё вечером прийти, — сразу сдался Дима, откладывая ненужную уже пачку на верстак. — Извини. Пустишь под крыло?

Они могли бы общаться мысленно — они и так соприкасались, ясно ощущая друг друга: озноб, боль ушибов, жар, сонный уют, облегчение, нежность... Но говорили вслух.

Иногда очень важно просто слышать голос того, кто тебе ближе всех на свете.

Слова — и даже чувства — вторичны.

— Нет, — буркнула Дара.

И, конечно же, приподняла крыло.

— И почеш-ши, — потребовала она, когда Дима кинул спальник ей под бок и забрался следом.

Он и сам уже чувствовал, как зудит у неё под мышкой передней лапы.

— Линять точно не планируешь?

Дара шумно фыркнула, сдвигая лапу вперёд, чтоб Диме было удобнее чесать. Удовлетворённо прикрыла глаза.

«Вот как начну, ты первый и узнаешь».

— А ведь как было удобно, когда у тебя стабилизировался цикл линьки, — с тоской вздохнул Дима, устраиваясь под крылом.

Привычной виной кольнула мысль, что это ведь он её не уберёт от всех тех стрессов и нагрузок...

Но мысль эту он отогнал, чтоб не тревожить Дару.

Повозившись ещё немного, они заснули — почти одновременно, — и проспали безо всяких кошмаров и завтраков, и отъезд Стрельницкого на службу.

Нет, Дара слышала сквозь сон, как СергейСаныч заглядывает в элинг, но только дёрнула кончиком хвоста и покрепче прижала Диму крылом.

Диме надо спать.

(Всем надо больше спать и меньше делать глупостей. Как драконам!)

...Он проснулся уже за полночь — с третьей попытки. Первые две закончились тем, что он просто поворачивался на другой бок и снова засыпал... но теперь, что называется, упёрлось.

Состояние напоминало похмелье: во рту мерзкий привкус, голова болит, мир вокруг куда-то едет, тело ломит, спину тянет.

...они там точно с Зайцем вчера только чай пили?

От Дары прикатилась по связи такая волна сочувствия, что Диме резко стало стыдно, и он, пощекотав ей мембрану крыла, выбрался в холодный и недружелюбный внешний мир.

— Всё со мной в порядке, просто отлежал бока, — проворчал он виновато, почёсывая ей старый шрам от инъекционного гнезда в основании гребня. — Ну что ты? Не переживай так за меня.

Дара шумно вздохнула и перекатилась на спину. у противоположной стены загрохотал металлический стеллаж, задетый драконьим хвостом, — по счастью, крепко привинченный к стене... А вот его содержимое закреплено не было, и пара ящиков с армейским барахлом, оставшимся от Зорича, рассыпали по полу своё содержимое.

Дара в ответ на этот тарарам только насмешливо курлыкнула и потянулась, с шорохом расправляя по полу крылья.

Снова что-то загремело.

«Вставай, разрушительница», — укоризненно посмотрел на неё вовремя отскочивший Дима, едва сдерживая смех.

Дара засмеялась вместо него — заливисто, но беззвучно, и связь словно завибрировала.

Тут он, конечно, уже не сдержался.

...он сто лет не слышал этого смеха.

«Вот! — отсмеявшись, довольно заявила Дара, поглядывая на него снизу вверх. — Так лучше. Не ворчи. Улыбайся!»

«Буду», — клятвенно пообещал Дима, натягивая куртку.

Открыл калитку в воротах и часто заморгал от резанувшего по глазам света.

Солнце там, снаружи, едва проглядывало сквозь пелену облаков... но после сумрака элинга даже оно показалось слишком ярким. Было холодно, пустынно и свежо.

Дима сделал медленный, ровный вдох, чувствуя, как отпускает муть, и даже головная боль остаётся едва ощутимой пульсацией в затылке. Выдохнул. И, повозившись с запорами, распахнул Даре ворота эллинга.

— Ну, с д-до... добрым утром нас.

Пока Дара неторопливо выбиралась, Дима потоптался на месте, потянулся — и принял разминать своё протестующее, отбитое вчера тело.

Земля, вытоптанная драконами, чавкала под ногами, но кое-где среди голых, узловатых яблонь ещё виднелись остатки выпавшей ночью снежной крупы. Пахло уже не только осенней сыростью, но и тем тонким, ледяным предчувствием холодов и снега.

Подступающая зима, от которой они сбежали, вернувшись с гор, теперь нагоняла и здесь.

...Дара присоединилась к разминке, и дело пошло на лад. Дима поначалу осторожничал, но быстро увлёкся, вполне прилично выполнил несколько связок «боя с тенью» — и только тут его повело, замутило, и он не сразу услышал, что к нему кто-то обращается.

— ...ваш дракон специально?

— А?

Дима аккуратно, борясь с тошнотой, обернулся и с недоумением воззрился на девушку в коротком бежевом пальтишке, прижимающую к груди планшет.

...Аллочка.

Аспирантка профессора Лазаревского набрала воздух и как можно решительнее произнесла:

— Вот так повторяет движения за вами ваш дракон — специально? По вашей команде? Спросила — и замерла настороженно.

...она боится, что сейчас Дара ей голову откусит — или он сам?

Дима посмотрел на Дару, Дара посмотрел на Диму.

— Да нет, просто это весело.

— Вам?

— Мне, Даре... Нам вместе. А что?

Алла суетливо заправила за ухо выбившуюся каштановую прядь.

— Ничего!.. То есть, это важно в контексте исследования поведения дракона. А для этого необходимо отделить ваши осознанные желания от... от...

Она сбилась, глядя на Дару, с уморительно серьёзным видом севшую и склонившую голову набок.

— ...от её собственных? — подсказал Дима с некоторым любопытством.

В памяти всплыл их с Аллой неловкий недофлирт — её томные взгляды, дурацкое падение в прихожей... и ужас в её взгляде, когда его сорвало от вернувшейся связи, и они с Дарой захватили Стрельницкого в заложники. Не то чтобы Дима обращал тогда внимание на такие детали, как чьи-то взгляды, — но прекрасно понимал, что для Аллы такое было перебором.

Она и приезжать после этого перестала.

...да уж, список неудачных и неслучившихся романов можно смело пополнять.

— От подсознательных стимулов! И, конечно, от рефлексов, свойственных данному типу.

«Она это специально? — жалобно спросила Дара. — Вот так говорит. Чтобы я ничего не поняла?»

«Это чтобы, не дай Небо, она сама ничего не поняла...»

Теперь Дара недоумевала в два раза сильнее.

— Вообще-то, я как раз для этого и приехала, — с жаром пояснила Алла, шагнув к Диме... или подальше от Дары. — Я адаптировала методику тестирования интеллекта по шкале Николаева-Вормана, и для подобного, м-м... существа должны получиться любопытные результаты. А если бы можно было на время тестирования снова заблокировать связь с чело-

веком... — И тут она округлила глаза, осознав, что ляпнула не то, и затараторила испуганно: — Ой, вы только не обижайтесь, я же просто теоретически рассуждаю! Я знаю, я читала, что блокировка связи приводит к длительному шоковому состоянию, порождающему психологическую травму, и совсем не имела в виду, что вы... что вам...

Дима сжал зубы так, что свело челюсти.

— Не обижаюсь, — процедил он. — Вас проводить до усадьбы?

Он не обижался, да.

...но и к Даре подпускать был не намерен.

— Но ведь я только пришла, — укоризненно заметила Алла и, замерев на несколько секунд словно бы в раздумьях, склонила голову на бок с неожиданно милой улыбкой.

Дима узнал повадки и едва удержался, чтоб не закатить глаза. То есть теперь она флиртует с ним, чисто чтоб к Даре подобраться?

Самое забавное, что если в прошлый раз на нём, вопреки той самой «психологической травме», такие методы вполне себе работали, то сейчас реакции внутри не было никакой.

Любые девичьи ужимки вызывали... ну максимум скуку.

...это потому что она его убить не пытается, да? Без адреналина никакой больше романтики?

— Дима, поймите, ваш дракон — уникальный объект исследования, — проворковала Алла.

Дима тщетно пытался найти в себе соответствующий ситуации отклик, но в памяти вставали то совершенно чужая, взрослая Элла с ребёнком на руках, то Мирра, которую шибало из сочувствия в злость... то Кита, его неуёмная девочка-смерть, которой он теперь обязан жизнью.

И Сергей Александрович обязан, пусть Дима ему никогда об этом и не расскажет.

Прерывая неловко затянувшуюся паузу, грохнула вдалеке дверь второго эллинга. Алла с идиотским писксом подскочила.

«Доброе утро, Мелкий!»

В ответное бурчание Малика Дима уже не вслушивался, осенённый идеей.

Самую капельку мстительной идеей, да.

...осталось понять, кому именно он тут мстит.

— Знаете, я думаю, здесь есть куда более уникальный объект для ваших... м-м, исследований.

— Феодор Иоаннович запретил мне обращаться к старшей драконице! — поспешно выдохнула Алла, распахнув глаза в непритворном испуге. — После того, как она... после её срыва, когда вы были в горах...

— И он прав, к Зире соваться опасно, — согласился Дима, прекрасно понимая запрет профессора.

...Зира услышала Дарин крик над бездной — и рванула из эллинга.

Вынесла ворота, до смерти перепугала охрану... Ворота, конечно, починили, охране наверняка выписали премию или отпуск на поправку нервов, а вот два сломанных пальца на левом крыле отбросили весь прогресс Зириного выздоровления ещё на пару недель.

И, конечно, никак не улучшили её характер.

— ...Но Зира что, она такой же серийный дракон, как и Дара, — понизив голос и молясь про себя, чтоб Зира не услышала, произнёс Дима, наклонившись к Алле.

Та охотно подалась навстречу.

— Тогда...

— Я про Мариса, конечно. Он-то уникален.

В глазах аспирантки Лазаревского вспыхнул жадный интерес.

— Но его пилот...

— Уверен, вас к нему без проблем допустят. Надо только обратиться к полковнику Стрельницкому за разрешением.

...наверное, мстил он тут скорее Сержу.

— Пойдёмте скорее! — воодушевилась Алла, пытаясь ухватить его под локоть.

Дима привычно шарахнулся в сторону, но тут же шагнул обратно, посмеиваясь над собственными рефлексами, и позволил увлечь себя к усадьбе.

Дара двинула следом, буквально фоя недоумением.

...и капелькой ревности.

«Я спасаю нас и помогаю Малику социально адаптироваться, — пояснил Дима, делая вид, что слушает Аллу. — Да и Сержу пора вылезать из своей раковины. Навредить ей ему всё равно не дадут».

...Стрельницкий ещё не вернулся, но в гостиной сидели профессор Лазаревский, неторопливо попивающий кофе, и Тамара Георгиевна с муфтой тонометром на руке. Подле неё стоял невозмутимый Араф, внимательно наблюдающий за процессом измерения.

— Сто девятнадцать на шестьдесят семь. Всё у вас, Тамара Георгиевна, в порядке, с такими показателями хоть в армию. Вы, главное, в следующий раз, когда давление подскочит, таблеточки пейте строго по инструкции, не превышая дозировку. Тогда и упадка сил от них такого не будет... О, Лавров, ты-то мне и нужен. Пойдём в библиотеку, что ли, мне надо тебя осмотреть.

— Зачем? — напрягся Дима.

Он, честно говоря, больше рассчитывал на поздний завтрак. Или ранний обед.

— Потому что кого-то вчера как минимум контузило взрывом. Шефа я уже загнал сегодня с утра в ведомственную больничку на все обследования, твоя очередь... Чего морщишься, головная боль, тошнота?

Сопротивляться Арафу было бесполезно, Дима уяснил это ещё в сентябре.

— ...Ну и КТ головного мозга бы, конечно, сделать, — не снижая напора, говорил медик, сноровисто проверяя Димины рефлексy, замеряя давление и расспрашивая о вчерашних событиях. — Потому что череп у тебя, конечно крепкий, но вот мозги штука деликатная.

— Был бы тут Шеф, он бы сейчас громко усомнился в наличии у меня мозгов, — усмехнулся Дима и поморщился: смехок отдался болью в затылке.

— Они есть, — невозмутимо отозвался Араф. — Но очень... компактные, а значит, от удара их могло здорово постучать по черепной коробке. Что даже опаснее.

— Лучше дай уже свою волшебную таблеточку, чтоб голова прошла, а?..

На том и сошлись, хотя Араф ещё раз три недовольно напомнил, что он не специалист, и если Дима заметит хоть малейшее ухудшение самочувствия — придётся его загнать к нормальным врачам.

— Т-ты и сам нормальный, — буркнул Дима. — Понормальнее многих.

— Я не врач, — пожал плечами Араф, строча какие-то заметки в потрёпанном блокноте. — Так, недоучка. Курсы там, курсы здесь... Вот найду себе замену, пойду на хирурга. Как раз к старости выучусь.

— А там и старческий тремор, самое то для операций, ага.

— Умеешь ты людей приободрить, да?

...Только выйдя в коридор, Дима поймал неуютную мысль, что это тоже был своего рода допрос. Просто, по счастью, Арафа не интересовало то, что было до взрыва.

А после — скрывать Диме было абсолютно нечего.

— Лавров, — окликнули его из прихожей. — Не понял, а чего не с гостями?

Стрельницкий, стоя у вешалки, медленно и как-то осторожно стаскивал с плеча форменную куртку, но смотрел с укором, сдобренным изрядной порцией иронии.

И усталости ещё, конечно — её там было столько, что стало не по себе.

...и ещё чего-то, чего Дима не распознал. Выжидания?

— Меня Араф смотрел.

— А, Денис, — кивнул Стрельницкий выглянувшему следом Арафу. — Всё нормально?

— Да, сэр, — невозмутимо отозвался парамедик. — В пределах ожидаемого для драконьего пилота.

— Отлично. — Сергей Александрович знакомым жестом помассировал переносицу. — Дим, через пять минут в кабинет.

— Понял.

— Сэр, а вот вам точно необходимо хотя бы несколько дней не нагружать себя, — всё так же ровно заметил Араф, но Сергей Александрович его уже не слушал.

Пересёк холл и заглянул в гостиную, тяжело опёршись рукой о край дверного проёма:

— Фёдор Иоаннович? Сидите, сидите, не отвлекаю. Останетесь на обед?.. Тогда, надеюсь, и пообщаемся — сейчас, к сожалению, не могу. Тамара Георгиевна, я вам пришлю Василия помочь, вы его заодно тоже покормите потом. А мне кофе сейчас сделайте, Дима принесёт.

— В вашем состоянии кофе... не полезен, — укоризненно заметил Араф.

— Сержант Назаренко, — с чуть слышной угрозой в голосе окликнул Стрельницкий, бросив на него взгляд через плечо. — Вы парамедик моего подразделения, а не семейный доктор. И не нянюшка.

Араф шагнул назад с нечитаемым выражением лица.

— Да, сэр. Отчёт по Лаврову сегодня пришлю.

— Отлично, — сухо отозвался Стрельницкий и, развернувшись, пошёл к лестнице.

...Где-то на третьей ступеньке он покачнулся, на секунду теряя равновесие, и отшагнул назад. Замер, привалившись плечом к стене.

Араф, скрестив руки на груди, даже не дёрнулся.

Дима укоризненно посмотрел на медика и сам рванул вперёд. Поймал Стрельницкого за плечо на следующей ступеньке.

— Я провожу.

— Ты тоже не нянька, Лавров, — недовольно напомнил несгибаемый полковник.

— Я знаю, — смиренно согласился Дима, игнорируя тень угрозы в голосе. — Просто предпочту, чтоб вы свалились на меня, а не на ступеньки. Я не такой травмоопасный.

Стрельницкий молча выдернул плечо и стал подниматься дальше. Дима упрямо потащился следом.

До самого кабинета они шли в недовольном молчании, и там Дима всё же сдержал порыв и остановился на пороге. Непрошенная поддержка может бесить не хуже собственной беспомощности, он и сам это понимал.

...но и проигнорировать состояние Сергея Александровича не мог.

А тот, даже не взглянув на дверь спальни, обогнул стол и уселся за компьютер. Включил его, что-то открыл и откинулся на спинку кресла.

— Чего стоишь? — спросил он наконец, постукивая ногтем по одной из клавиш, не нажимая её. — Вопросы есть?

— Да нету, — понятно буркнул Дима. И всё равно спросил: — Может, вам отдохнуть всё-таки?

— Отдохнём, Лавров, на кладбище. Вот там лежать нам точно никто не мешает до трубного гласа в конце времён... Ладно, раз пришёл, садись, есть разговор.

Пока Дима садился в «гостевое» кресло, Сергей Александрович достал из верхнего ящика стола блистер, выдавил прямо в рот таблетку. Заглянул в кружку, обнаружил в ней, по всей видимости, остатки вчерашнего чая, взболтнул по кругу и большим глотком запил. Снова откинулся на спинку кресла, болезненно жмурясь.

Помолчали.

— Ну, к делу, — выдохнул Сергей Александрович, вновь принимая деловой вид, словно и не было этих секунд откровенной слабости.

И, достав из внутреннего кармана кителя, бросил на стол миниатюрный... прибор?

Четыре голубоватых колбочки, каждая размером не больше ногтя, соединённые по кругу трубкой, и круглый чип в сплетении проводков между ними. Не электронный — алкемический.

Дима судорожно схватился за запястье. За часы, с которыми не расставался.

...Ах, да. Один раз расстался. Когда первый раз ночевал у Дары, и Стрельницкий потребовал отдать всё «колюще-режущее» — в том числе и часы, в которых скрывалось небольшое лезвие.

— Это было у тебя в часах, — подтвердил очевидное Стрельницкий, наверняка тщательно отслеживая Димину реакцию.

Дима молча протянул руку, и полковник, помедлив, положил приборчик ему на ладонь. Почти невесомый — Дима ведь даже не заметил его отсутствия...

А стоило бы сразу тогда проверить.

— Что это, Дим?

Дима открыл было рот, чтобы выдать какую-нибудь достаточно правдоподобную чушь, чтоб от него отстали... Но присмотрелся и замер. Сглотнул.

Одна из колбочек мягко светилась.

— Дим?

Правильным было бы ответить «Ничего».

«Так, старая забава».

«Память о товарищах».

И не рисковать тем хрупким, выстраданным доверием, которое легко разрушить малейшим неосторожным жестом. И которое позволяет прикрыть встречу с Китой... и с Миррой на том вечере — тоже.

Даже если Мирра подала сигнал — что он может сделать в ответ? Только промолчать.

Дистанция и равнодушие.

Равнодушие и дистанция.

Отвернись, уйди, не рискуй. У тебя новая жизнь. И Мирре безопаснее держаться от тебя подальше.

...бездна, он ведь и так уже слишком много показал — своей реакцией, своим молчанием.

— Горский, наш инженер-алкемик, предположил, что в капсулах — синхронизированный ихор, — сухо проговорил Стрельницкий. Дима не смотрел на него, но чувствовал на себе тяжёлый, выжидающий взгляд. — Вероятно, синтетик, но брать пробу на анализ я запретил. То, что одна из капсул активировалась, Горский заметил какое-то время назад... С чем ихор синхронизирован, Дим? Где второй такой прибор... и, я полагаю, ещё два — раз капсул четыре?

Дима молча расстегнул ремешок часов. Привычным движением потянулся к ремню вытащить острую шпильку, но с досадой вспомнил, что её-то Стрельницкий тогда не вернул.

— Это ищешь?

Полковник достал шпильку из ящика стола.

— Спасибо, — буркнул Дима.

Поддел шпилькой и ногтем углубления на крышке часов, с усилием провернул, отвинтил крышку, вытряхнул батарейку, мельком отметив, что лезвия, которое раньше пряталось под крышкой, на месте тоже нет.

Как будто он в Стрельницком сомневался, действительно.

...всё равно тошно. Небо, ну до чего тошно.

Чип долго не хотел подключаться, Дима крутил его и так, и эдак, пока не нашёл нужное положение — и, вставляя кольцо с капсулами на место, уже понимал, что что-то пошло не так.

Но до последнего пытался себя убедить, что просто держит часы вверх ногами.
— Ну так что всё это значит? — терпеливо спросил Стрельницкий.
На часах горела цифра «шесть».
Не «двенадцать». Не Мирра.
...Док?!